

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ II

годъ шестой

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія С. Н. Худекова. Владимирский пр., № 12
1896

Знахарство въ Скопинскомъ и Данковскомъ уѣздахъ Рязанской губерніи.

Въ нашей периодической печати очень часто высказывается желаніе поближе познакомиться съ народными лѣкарями и, съ такъ называемыми, народными средствами лѣченія, а иногда высказывалось даже мнѣніе, что эти лѣкарственные народныя средства гораздо даже лучше и дѣйствительнѣе, чѣмъ тѣ, которыя предлагаются врачами. Въ публикѣ же, какъ мнѣ известно, подобное мнѣніе о народныхъ средствахъ лѣченія держится очень давно и, кажется, очень крѣпко. Служа девятый годъ земскими пунктовыми врачами, я не разъ могъ наблюдать самъ, а такъ же и слышать отъ больныхъ, чѣмъ лѣчить наши такъ называемые народные лѣкаря, и по этому, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ моего участка и, вообще, въ окрестности его мнѣ удалось узнать кое-какія подробности объ этомъ лѣченіи. А узнать, чѣмъ лѣчить знахари, дѣло не легкое, потому что лѣченіе это производится обыкновенно тайнымъ образомъ, скрытно. Вотъ тутъ-то земская практическая медицина и можетъ оказать нѣкоторую услугу. Дѣйствительно, всякому земскому врачу постоянно приходится сталкиваться, въ особенности въ деревнѣ, съ этими народными лѣкарями, а подъ часть и терпѣть отъ ихъ дѣятельности большой ущербъ въ дѣлѣ лѣченія народа. Чтобы до нѣкоторой хоть степени показать, какъ грубо и подобострастно крестьянинъ, по своему невѣжству, вѣритъ иногда своему знахарю, а не врачу, я приведу здѣсь два примѣра изъ моей практики, гдѣ, не смотря на прямую бьющуюся въ глаза пользу отъ специфическихъ притомъ лѣкарствъ,—баба или мужикъ приписываетъ эту пользу не лѣкарству, взятыму на пунктѣ, а своему доморощенному лѣкарю, своему знахарю. Такъ однажды приходитъ ко мнѣ баба—спифилитичка. Ей назначается мною извѣстное антисифилитическое, ртутное лѣченіе. Послѣ того баба эта приходитъ въ другой разъ.—«Ну что, какъ дѣло?» спрашиваю я ее.—«Да не помогаетъ!»—говорить баба.—«А какъ же нось-то твой вѣдь хороший сталъ?» А у больной, надо замѣтить, до этого былъ преотвратительный, весь въ сифилитическихъ язвахъ, нось.—«Да это-то вѣрно», отвѣчаетъ баба;—«только это не отъ твоего лѣкарства, а отъ того, что тамъ у насъ бабка-лѣкарка научила меня его, нось-то, слюнями мазать.—«Ну такъ ты и

мажь его слюнами, благо помогаетъ, а моего то лѣкарства не бери»! говорю я.—«Нѣтъ, ужъ ты дай и своего еще!»—отвѣчаетъ баба. Или вотъ другой случай. Женщина очень сильно заболѣваетъ въ полую воду, такъ что проѣхать къ ней нѣтъ никакой возможности. Приходитъ на пунктъ ея мужъ пѣшкомъ и просить женѣ лѣкарства за глаза. У крестьянъ иногда это бываетъ все одинаково: посмотрѣлъ докторъ больного, или нѣтъ, и уѣхти въ противномъ бываетъ подъ часъ очень трудно. Я распросилъ про болѣзнь. По признакамъ, у больной, по моему, былъ сочленовный ревматизмъ, почему я и назначилъ ей принимать салициловый натръ и далъ еще и растиранья. Послѣ того приходитъ мужъ больной въ другой разъ.—«Ну что? спрашиваю я его.—«Да ломъ-то (ломота) немного поутихъ».—«Ну такъ чѣмъ?—значитъ лѣкарство-то было ей въ пользу».—«Да я не знаю, говорить мужикъ, я ломъ-то призывалъ къ ней заговорщика заговаривать. Ломъ-то отъ этого и утихъ». По окончаніи полой воды я всетаки самъѣздилъ къ этой больной. У ней дѣйствительно оказался сочленовный ревматизмъ да еще съ осложненіемъ,—въ видѣ воспаленія костнаго мозга (*osteomyelitis*), гдѣ, какъ известно и салициловый-то натръ, считающійся специфическимъ средствомъ отъ ревматизма, мало помогаетъ. А заговорщикъ, оказывается, однимъ словомъ помогъ. Само собой разумѣется, что несмотря на трудный случай ревматизма, салициловый натръ сдѣлалъ свое дѣло, уменьшивъ и опухоли суставовъ и сильныя боли. Но что тутъ сдѣлаешь? По мужику—помогъ больной его заговорщикъ. На этотъ разъ я подкрасилъ микстуру съ салициловымъ натромъ и далъ мужику еще того-же салициловаго натра; а неподкрашенное лѣкарство больная пожалуй теперь и пить не будетъ. Спустя нѣкоторое время больная эта совсѣмъ выздоровѣла. Такихъ примѣровъ я могъ бы привести, понятно, цѣлую массу. Но однимъ словомъ сказать въ деревнѣ почти не бываетъ ни одного больного, который раньше или позже не пользовался бы у своего знахаря. Столкновенія, говорю, постоянныя. Вредъ отъ знахарей, какъ буде видно изъ подробнаго ихъ описанія, громадный, а отсюда и интересъ къ вопросу о знахаряхъ, по моему мнѣнію, долженъ быть очень большой.

Прежде, чѣмъ перейти къ частному описанію всѣхъ нашихъ народныхъ лѣкарей, я долженъ предварительно сдѣлать ихъ общую классификацію, которая, при томъ, много поможетъ лучшему ихъ описанію и пониманію.—Итакъ,—всѣ наши народные лѣкаря раздѣляются въ нашемъ районѣ, хотя я думаю, что и вездѣ тоже самое, на 1) собственно знахарей и знахарокъ, 2) заговорщиковъ, 3) кровопускателей или рудометовъ, 4) юродивыхъ и угадовъ и 5) колдуновъ. Я постараюсь описать каждый изъ этихъ видовъ народныхъ лѣкарей порознь, причемъ юродивые и

угады, какъ имѣющіе между собой много общаго, отнесены мною къ одной категоріи.

I.

Знахари и, большою частію, прекрасная половина человѣческаго рода,—знахарки, т. е. деревенскія бабки и городскія мѣщанки, лѣчать у насъ въ деревнѣ, въ большинствѣ случаевъ, несчастныхъ сифилитиковъ, сифилидологи по преимуществу.

Сифилисъ (*siphilis*) въ деревнѣ («дурная болѣзнь», по деревенскому названію), — это своего рода Божій бичъ! Кто имъ въ деревнѣ не страдалъ и не страдаетъ! Имъ страдаютъ и грудныя дѣти, и 70-ти, 80-ти лѣтніе старухи и старики, имъ въ деревнѣ страдаютъ иногда цѣлыми семьями, иногда человѣкъ въ 20 и болѣе. Болѣзнь невыносимая, потому что сама не проходить, а съ каждымъ днемъ напротивъ все дѣлается хуже и хуже. Въ деревнѣ быстро всѣ узнаютъ, сторонятся, воды изъ колодезя не даютъ, а то еще призовутъ съ двумя десятскими на сходку и проч. въ этомъ родѣ. Врачей и теперь на весь уѣздъ двое-трое, а въ прежнее время, до введенія земскихъ учрежденій, и совсѣмъ ни одного не было. Тутъ по неволѣ пойдешь лѣчиться къ знахарамъ. Хотя, впрочемъ, нынѣ этого и нельзя сказать, что поневолѣ идутъ къ знахарамъ сифилитики лѣчиться. Большею частью нынѣ ходятъ къ знахарамъ по своей доброй волѣ, потому что въ народѣ уже изстари укоренилось свое собственное мнѣніе, что знахарь лучше доктора и скорѣй помогаетъ. А «скорѣй» вылѣчиться отъ «дурной», — это общее желаніе всѣхъ сифилитиковъ, и этому ихъ желанію сильно потворствуютъ и сами знахари, давая больнымъ слишкомъ большія дозы лѣкарства. Извѣстно, что для того, чтобы вылѣчить сифилисъ со всѣми его первичными, вторичными и третичными проявленіями, нужно времени, приблизительно, годъ. Это въ счастливыхъ, конечно, случаяхъ, а то и цѣлые годы сифилисъ не вылѣчивается, а иногда такъ, какъ известно, и совсѣмъ остается въ организмѣ, въ такъ называемой, скрытной, латентной формѣ. Вотъ этой то продолжительности теченія болѣзни и не любятъ сифилитики. Имъ, обыкновенно, хочется вылѣчиться отъ такой ужасной болѣзни сразу. Да хотѣніе это и понятно, въ данномъ случаѣ, само по себѣ, но тутъ оно приводить, по большей части, къ печальнымъ, а вовсе не къ хорошимъ результатамъ.

Для того, чтобы показать, какъ велика охота у сифилитиковъ къ большими дозамъ лѣкарства изъ желанья, конечно, поскорѣе вылѣчиться, я приведу здѣсь примѣры изъ своей практики. Такъ въ деревнѣ Арцибасовѣ

мужикъ принесъ домой изъ нашей аптеки 30 пилюль изъ сурьмы (*hydrgargum sublimatum corrosivum*). Ему велико было по одной пилюль глотать утромъ и вечеромъ, а онъ сразу ихъ всѣ развелъ водой и половину бутылки заразъ и выпилъ. Баба прибѣгаєтъ за мной, вся въ слезахъ.—«Что такое? спрашиваю я ее.—«Да съ Онисимомъ моимъ сдѣлался геморой!—«Какой такой геморой?»—«Да съ нимъ этотъ геморой и раньше былъ», отвѣчаетъ баба. Я понялъ скоро, въ чёмъ тутъ дѣло, потому что припомнилъ, что Онисимъ вчера былъ у меня, и ему дано лѣкарство отъ сифилиса. Вѣту сей часъ же въ деревню (спасибо въ нашей деревнѣ дѣло было), и моимъ глазамъ представилась ужасная картина острого отравленія ртутью. Мужикъ этотъ (онъ громаднаго при томъ росту) еле сидѣтъ на задникѣ, и его всего, что называется, корѣжитъ, т. е. постоянныя судороги, сильная рвота. На окнѣ я замѣтилъ бутылку съ какимъ-то лѣкарствомъ.—«Что это? я спрашиваю.—«Это мы ваше лѣкарство развели!—«И онъ это половину выпилъ? спрашиваю я.—«Да!» робко отвѣчаетъ баба. Кончилась эта исторія тѣмъ, что я Онисима насили-насили привелъ въ себя рвотными и молокомъ, взбитыми съ яичнымъ бѣлкомъ. Вѣрно оказалось, что съ Онисимомъ геморой раньше былъ, какъ говорила мнѣ баба, потому что Онисимъ у насъ раза четыре уже былъ на пункѣ, а отсюда, каждый разъ, и геморой его. Другой подобный случай былъ въ селѣ Дегтяркѣ. Баба—сифилитичка, съ тою же цѣллю,—поскорѣй вылѣчиться отъ «дурной», проглотила заразъ тоже пилюль изъ сурьмы, по $\frac{1}{10}$ грана каждая, пять штукъ, какъ она сама говорила, а вѣроятно больше.—«Что-же было отъ этого? спросилъ я ее.—«Да насили молокомъ отпоили!» отвѣчаетъ баба и при этомъ еще улыбается.

Охоту къ сильнодѣйствующимъ лѣкарствамъ и къ большимъ дозамъ можно, говорю, наблюдать чуть не у каждого сифилитика. Такъ я прежде давалъ для смазыванья сифилитическихъ опухолей въ заднемъ проходѣ (*condilomata lata*) ляписъ, разведенныи водой (20 gran. *lapis'a* на унцію воды). Но потомъ вздумалъ для той же цѣли давать сурьму, разведенную въ спиртѣ (скрупуль *sublimati* на унцію спирта). Лѣкарство это удивительно, какъ понравилось всѣмъ больнымъ, какъ очень сильное средство и скоро помогающее, въ особенности, если кто очень усердно мажетъ. Помню одного больнаго кузнеца изъ села Р—а. Разъ дали ему этого лѣкарства. Приходитъ кузнецъ въ другой разъ и проситъ опять того же.—«Ужъ очень хорошо, говоритъ, помогаетъ это послѣднее ваше лѣкарство. Я имъ намажу себѣ болѣчки на ночь, да всю ночь по ржамъ и бѣгаю (дѣло было лѣтомъ).—«Ты, значитъ, ужъ очень сильно мажешь, ты бы полегче», говорю я.—«Нѣтъ, такъ лучше помогаетъ, скрѣй вылѣчишься».—«Зачѣмъ ты, спрашиваю я, изъ

ночь мажешь? — «А то днемъ то увидять, какъ я бѣгаю по ржамъ. А очень хорошо! Пожалуйста дайте еще этого лѣкарства!» — просить кузнецъ. Послѣ мнѣ всегда приходила въ голову эта любопытная картина бѣганья ночью по ржамъ, и я сталъ предупреждать больныхъ, чтобы мазали полегче, потому что, моль, это лекарство немного щипитъ.

Я нѣсколько отдалился отъ своей темы, но мнѣ желательно было пообстоятельнѣе выяснить эту охоту сифилитиковъ къ большимъ дозамъ лѣкарствъ и къ сильнодѣйствующимъ средствамъ, изъ за которой охоты больные эти по большей части и ходятъ къ знахарямъ и знахаркамъ, зная напередъ, что въ этомъ отношеніи ужъ всякий изъ нихъ непремѣнно уважитъ, не въ примѣръ доктору...

«Рукомесло» свое знахари, по моему мнѣнію, заимствуютъ отъ военныхъ фельдшеровъ, которыхъ у насъ въ деревнѣ теперь очень много; чуть не въ каждомъ селѣ двое, а то трое. Это, по большей части, бывшіе больничные или аптечные служители въ военной службѣ, получающіе послѣ службы дипломъ младшаго медицинскаго фельдшера. Вотъ этотъ то медицинскій элементъ и разноситъ по деревнямъ свои медицинскія свѣдѣнія, понятно очень при томъ скучныя и посвящаетъ въ нихъ знахарей и знахарокъ. Да не подумаетъ кто либо, что знахарь или знахарка (а знахарокъ больше въ деревнѣ, чѣмъ знахарей) — знаетъ какое либо особенное лѣкарство отъ сифилиса, чего не знаетъ медицина! Нѣть! лѣчать знахари сифилисъ, обыкновенно тѣмъ же чѣмъ лѣчать и врачи. А именно: сулемой (*hydrargyrum bichloratum corrosivum*), киноварью (сѣристая ртуть *hydargyrum sulphuratum*) и, наконецъ, третье — декохтъ изъ такъ называемой дорогой травы т. е. изъ сарсапариллы (*Decocum Zittmanni* — старинный мѣдицинскій препаратъ), «якобъ» пить, называютъ больные.

Но главное лѣченіе сифилиса у знахарей — это сулемой, и практикуется оно въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Вотъ тутъ-то известная охота сифилитиковъ къ большимъ дозамъ лѣкарствъ и желаніе ихъ всегдашнее — выпить чего либо, какъ можно, покрѣпче — и играютъ весьма важную роль. Поэтому сулема, какъ сильнодѣйствующее средство, знахарями дается всюду, всемъ сифилитикамъ, а то даже безъ разбору, сифилитикъ ли больной или просто страдающій отъ какой другой болѣзни. Просто, вообразить баба, что на ней дурная и просить у знахарки или знахаря сулемы. Да знахарь, вѣдь главное, и различить-то болѣзнь, конечно не сумѣеть. Да ему это и не нужно, а просто на просто, — угостить хорошенько, ну дѣло и будетъ, что называется, въ шляпѣ: и гонораръ будетъ хороший, а тамъ и водка и вся-

кія подачки, въ родѣ полотенцевъ, яицъ, ветчинъ, муки и прочаго деревенскаго скарба.

Сулема, говорю, первое лѣкарство у знахарей, ей начинается, ею и кончается всякое лѣченіе. И въ какихъ же дозахъ сулема дается знахарями и съ какою при томъ неразборчивостію! Какъ еще выносить все русская натура! Но иногда эта выносливость ужъ не помогаетъ, и тутъ прямо бываютъ острые случаи отравленія сулемой. Такъ на моей памяти, напримѣръ, было два случая отравленій, въ одномъ случаѣ больная умерла отъ сулемы, очень молодая еще женщина, въ деревнѣ Шашкиной, въ другомъ случаѣ,— въ деревнѣ Рыловой умерла тоже отъ отравленія совсѣмъ молодая женщина, которую научили купить на пятачекъ сулемы, на пятачекъ живой ртути и на пятачекъ крѣпкой водки, и все это выпить заразъ. Больная вышла, ну л, понятно, отправилась на тотъ свѣтъ. Или еще, напримѣръ, помню въ деревнѣ Арцибасово привезли знахаря къ одному чахоточному больному. Бѣдили за знахаремъ далеко, верстъ за 25 слишкомъ. Визитъ знахаря стоилъ 5 рублей. И что же знахарь слѣдалъ?—Онъ назначилъ своему пациенту такую дозу сулемы, что тотъ бѣдный чуть-чуть не умеръ отъ нея, потому что, говорятъ, съ больнымъ сейчасъ же сдѣлалась страшная рвота и поносъ (геморой своего рода) т. е. всѣ признаки отравленія. У знахарей это считается хорошимъ признакомъ; «чтобы, какъ они выражаются, больного и верхомъ и низомъ пронесло, и чтобы все нутро тамъ вычистило, гнѣздо разорвало, а то у тебя, братецъ, нутро болитъ!» И я еще удивляюсь, какъ это самое нутро, въ видѣ черезъ чуръ уже плохихъ, чахоточныхъ, съ кавернами (я наблюдалъ раньше этого больного) легкихъ, не вылетѣло оттуда т. е. изъ большой груди совсѣмъ, окончательно... Большой этотъ вскорѣ потомъ умеръ. Большое нутро, видно, взяло свое. Визитъ знахаря пропалъ даромъ. Это мнѣ известные случаи отравленія, но, конечно, не всѣ такія случаи доходить до врача.

Окуриваніе киноварью (*hydrargyrum sulphuratum* — сѣристая ртуть) производить въ нашемъ раіонѣ преимущественно полька, въ деревнѣ Ольхахъ, Данковскаго уѣзда. Полька эта вышла замужъ за здѣшняго солдата и пришедши съ своей родины въ Ольхи на постоянное жительство, принесла съ собой какой то польскій лѣчебникъ, по которому и лѣчить здѣсь. Одно то, что книга эта на какомъ-то непонятномъ для народа языкѣ,— одно это производить своего рода впечатлѣніе на больнаго. Живеть полька въ землянкѣ, чуть не въ подземельѣ и известна во всемъ околодкѣ подъ названіемъ «Ольховской колдуньи». Надо замѣтить, что лѣкарка эта (еб здѣсь еще зовутъ просто лѣкарка) постоянно бываетъ пьяна, потому что безъ

полштофа водки никто къ ней не является. Хорошее заведение этоъ полштофъ въ деревнѣ. У насъ безъ него, какъ известно, ни одного дѣла не дѣлается, и роль его, какъ прилагательного, известна во всѣхъ сферахъ жизни, какъ свѣтской, такъ равно и духовной. Я тоже раза два-три удостоивался этого «приноса»: «на дорожку», дескать г. доктору... Главное свое лѣченіе — окуривание киноварью Ольховская лѣкарка примѣняетъ всюду; окуриваетъ всѣхъ безъ исключенія больныхъ, хотя больше всетаки сифилитиковъ. Такъ у меня были въ разное время три женщины, больныя женскими болѣзнями, которые подверглись окуриванию киноварью и отъ этого страшно страдали отъ меркуріализма.

Третье лѣкарство Якобъ или, что тоже, Декобъ (Циттманновъ декоектъ) дается захарями очень часто. Его даютъ тоже преимущественно сифилитикамъ, но кромѣ сифилитиковъ, «якобъ» пьютъ и другіе больные, какъ то — чахоточные и золотушные. Корень «дорогой травы» (*radix sarsaparillaæ*), изъ которого приготовляютъ якобъ, продается здѣсь во всѣхъ москательныхъ лавкахъ. Въ москательныхъ лавкахъ, впрочемъ, продаются тоже тайкомъ и мышьякъ и сулема и всякая другая снадобья. Бабѣ или музыку, значитъ, достать якобъ всегда бываетъ возможно. Да и пить его бываетъ очень удобно. Обыкновенно, четверть водки настоитъ захарь или захарка якобомъ, прибавить туда изрядную дозу сулемы и даетъ это больному — сифилитику, или бабѣ — сифилитичкѣ за приличную при томъ плату. У всѣхъ захарей есть своего рода античная такса, такъ что четверть якубу стоитъ, напримѣръ, 3 рубля, полштофъ менѣе и проч. Больные пьютъ якобъ всегда съ охотой; вѣроятно, отъ того больше, что это лѣкарство болѣе безопасно. Замѣчательно, что всѣ лѣкарства свои захари, обыкновенно, настаиваютъ на водкѣ, какъ сулему, такъ равно и якобъ. По всей вѣроятности, это дѣлается для того, чтобы небыло противно пить. Русскій человѣкъ вѣдь водку очень любить... Изъ веществъ, неупотребляемыхъ врачами въ сифилисѣ захари даютъ иногда синій купоросъ (*sprum sulphuricum*). Но его даютъ очень рѣдко и при томъ для наружнаго болѣе употребленія. Его не хвалять что то и сами больные. Вѣроятно это отъ того, что синій купоросъ — рвотное средство, а значитъ и непріятное. «Купоросъ пила, якобъ настаивала, все толку нѣтъ»! обыкновенно слышишь отъ больныхъ.

Нужно замѣтить, что лѣкарственные вещества у захарей иногда очень нагло замѣняются другими болѣе дешевыми средствами, происходитъ своего рода фальсификація. Такъ, напримѣръ, дорогая трава (*radix sarsaparillaæ*) т. е. деревенскій «якобъ» замѣняется у торговокъ корнемъ пе-

сочной осоки (*risoma graminis rubri*). Трава эта ростет по берегамъ рѣкъ и озеръ и продается копѣекъ пятьдесятъ за фунтъ, тогда какъ дорогая трава обыкновенно стоитъ 2 рубля 50 коп. фунтъ. Іодистый калій (*kalium jodatum*), тоже известное въ медицинѣ и полезное, притомъ, лѣкарство отъ сифилиса, замѣняется часто у торговцевъ, а отсюда и у знахарей, обыкновенною морскою солью или бузуномъ. Такая замѣна, несомнѣнно, произошла отъ того, что, какъ известно, іодистый калій продается изъ нашихъ аптекъ тайкомъ, по ручной продажѣ, т. е. безъ рецепта врача, подъ названіемъ «морской соли». Ну торговцы и стали продавать настоящую морскую соль, бузунъ. Это въ родѣ того, какъ порохъ прежде, когда имъ запрещено было торговать, тайкомъ изъ лавокъ продавался подъ скромнымъ названіемъ «маку». Какъ на курьёзъ, я не могу здѣсь не указать еще на одного знахаря, изъ села Заболотнаго, онъ же кузнецъ и коновалъ. Коновалъ этотъ лѣчить тоже и отъ «дурной», и отъ разныхъ другихъ недуговъ, но чѣмъ же? Пойдетъ онъ на рѣчку, наберетъ на берегу разныхъ камешковъ, какъ то: бѣленькихъ, желтенькихъ, синенькихъ, чёрненькихъ и другихъ, принесетъ ихъ въ кузню, разобьетъ тамъ на наковальнѣ ихъ всѣ въ мелкій порошокъ, завернетъ въ разныя бумажки и послѣ даетъ ихъ пить больнымъ, или для присыпки наружныхъ болѣзней. И помогаетъ, говорятъ!..

Вотъ такихъ-то больныхъ, т. е. сифилитиковъ, которые прежде лѣчились у знахаря или знахарки, трудно бываетъ вылечить врачу, потому что они, обыкновенно, до такой степени наглотаются ртути, что и не знаешь, съ чего тутъ начинать лѣчить,—сифились ли, или — меркуріализмъ т. е. хроническое ртутное отравленіе. А съ послѣднимъ имѣть дѣло гораздо труднѣе, чѣмъ съ самимъ сифилисомъ. И дѣйствительно, вѣдь мужика нельзя послать на Кавказъ, на сѣрныя воды!.. Въ острыхъ же случаяхъ отравленія тоже бываетъ трудно помочь больному, потому что первые три-четыре дня, какъ и было въ указанныхъ выше случаяхъ съ отравленными женщинами, больные таятся не только отъ врача, но и отъ всѣхъ окружающихъ родственниковъ и только, обыкновенно, на духу, т. е. священнику, приглашенному для причащенія Св. Таинъ, сказываютъ, а тѣль уже велѣть позвать доктора. Но время бываетъ уже упущенное, потому что ядъ настолько успѣеть уже всосаться въ организмъ, что помочь бываетъ почти излишня и безъуспѣшна. Въ другихъ же случаяхъ отравленій больные совсѣмъ не скажутъ никому, а выйдетъ просто, моль, умерла и умерла отъ неизвѣстной причины. Подержать трупъ день и два, а потомъ и похоронить. Въ настоящее время, впрочемъ, сифилитики стали привыкать и къ докторамъ. Такъ у меня на двухъ амбулаторныхъ пунктахъ бываетъ ежегодно около ты-

сячи посещений. Кроме сифилиса народными средствами лѣченія пользуется въ деревнѣ очень часто еще перемежающаяся лихорадка (*febris intermittens*), по здѣшнему «лихоманка», «тетка», «трясучка» и др. синонимы. У хохловъ лихорадка называется «пропастница», и это название мнѣ больше всѣхъ нравится; ужь именно—пропастница! Лихорадка очень часто встречается въ народѣ; такъ у меня на пунктахъ ежегодно бываетъ около тысячи лихорадочныхъ больныхъ. Мужику избавиться отъ лихорадки бываетъ, обыкновенно, очень трудно, такъ что болѣзнь иногда тянется годъ, два, даже три. Да обстоятельство это и понятно по слѣдующимъ соображеніямъ. Земскіе врачи, какъ известно, хининомъ, въ виду его дороговизны, не пользуются въ достаточномъ количествѣ. Благо еще нынѣ хина дешева стала, и земство стало меныше соблюдать свою всегдашнюю экономію. Городскіе же аптеки по ручной продажѣ даютъ мужику только одинъ гранъ хинина въ порошкѣ, въ который (порошокъ) прибавляютъ еще пять гранъ сахару и возьмутъ за такой порошокъ пять копѣекъ, а за три, напримѣръ, пошока пятнадцать копѣекъ, а ихъ всѣ такие порошки только стоить бросить!.. Почему то всѣ наши аптекари или юдейскаго, или немецкаго, или, наконецъ, польскаго происхожденія! Русскихъ почти нѣть изъ нихъ. Пора бы уничтожить ихъ монополію и пересмотрѣть ихъ аптекарскую таксу, сдѣлавши изъ неї что либо путное. И дѣйствительно, взять пять копѣекъ за одинъ гранъ хинина, т. е. за унцію хинина—24 рубля, тогда какъ онъ у Феррейна нынѣ стоитъ 80 копѣекъ унція,—вѣдь это просто невозможное дѣло. Тутъ приблизительно съ чѣмъ то 2000% на капиталъ. Въ особенности, это трудно для бѣднаго, больнаго мужичка или рабочаго человѣка, который отъ своей болѣзни еще лишился своего заработка. А попробуйте, возьмите въ аптекѣ одинъ гранъ суплемы въ пилюляхъ, съ васъ возьмутъ за 10—12 такихъ пилюль (по $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{12}$ грана)—пятьдесятъ копѣекъ. Фунтъ суплемы, стоящій у Феррейна 2 рубля, аптекаря такимъ образомъ обгоняютъ въ 2280 рублей серебромъ. Тутъ ужь весьма трудно опредѣлить, какой получается % на капиталъ, чуть ли не миллионный. Хорошій заработокъ, нечего сказать! Пора бы объ этомъ подумать и удешевить, по возможности, медицинскую аптечную таксу. А то для рабочаго человѣка, какъ, впрочемъ, и для всякаго, больнѣе—это совершенный раззоръ. Въ особенности, продолжительная такая болѣзнь, въ родѣ лихорадки. Работать въ семье некому, либо печку топить некому, а лихоманка все трепитъ. Горе, да и только... И вотъ, если врачъ не поможетъ больному, то больные такие и ходятъ, просить лѣкарства, либо къ барынѣ, либо къ сельской матушкѣ-попадѣ, а то и къ своимъ знахаркамъ-бабкамъ. Многія барыни, дѣйствительно, даютъ

лихорадочнымъ больнымъ хины, но понятно, не много, потому что въ деревнѣ хины достать трудно, хорошо если есть въ запасѣ изъ города, да и самимъ эта вещь бываетъ постоянно нужна. Барыни, впрочемъ, въ деревнѣ больше лѣчать своей гомеопатіей. Это лѣченіе для нихъ и болѣе безопасно и очень удобно, потому что однимъ пузырькомъ кручинокъ можно отпустить тысячу человѣкъ. А у матушки-попадьи, обыкновенно, ни хинина, ни кручинокъ нѣтъ, а больному все-таки нужно чего либо дать отъ его болѣзни, утѣшить. И вотъ, между прочимъ, нѣкоторые изъ нихъ лѣчать лихорадку слѣдующимъ способомъ: велитъ бабѣ принести три кренделюшка, напишетъ на нихъ три какихъ то евангельскихъ слова и дастъ ихъ больному, чтобы онъ съѣлъ ихъ въ три зари по утрамъ. Иногда эти три евангельскихъ слова пишутся просто на трехъ бумажкахъ, которые (бумажки) больной тоже въ три зари долженъ съѣсть. Бабки-знахарки въ лѣченіи лихорадки ухитряются до невозможности. Такъ напримѣръ: нужно срѣзать въ саду 12-ть почекъ, отъ 12-ти разныхъ деревъ, наливъ ихъ 12-тью ложками кипяченой воды, дать имъ 12-ть дней постоять и пить 12-ть дней сряду по одной ложкѣ. Или вотъ средство, нѣсколько аналогичное этому. Нужно испечь 12-ть пышекъ, пойти въ лѣсъ и разыскать 12-ть пеньковъ, положить на каждый пенёкъ по пышкѣ и каждому пеньку отвѣсить 12 поклоновъ. Цифра 12-ть здѣсь, очевидно, означаетъ что то въ родѣ священной цифры, такъ какъ въ народѣ лихоманка олицетворяется въ видѣ 12-ти сестеръ лихоманокъ, которая и трясутъ человѣка на подобіе, напримѣръ, русалокъ. Въ лихорадкѣ даютъ также и много другихъ народныхъ средствъ, напримѣръ, особенной славой пользуется пережженная соль, такъ же лишайникъ и пр. Цѣлительного дѣйствія, впрочемъ, всѣ эти средства никакого не имѣютъ. При теперешней дешевизнѣ хинина, я сталъ теперь давать больнымъ три порошка *chinini sulphurici* по 10 гранъ каждый. Это средство лучше всего помогаетъ.

Въ лѣченіи переломовъ костей и вывиховъ деревенскія бабки-знахарки выказываютъ тоже немало всей своей медвѣжьей ловкости и искусства. Какъ известно, сдѣлать что либо путное, въ данномъ случаѣ, бабка конечно, ничего не сможетъ. Переломъ ли это или вывихъ, ей узнать трудно, помочь же какъ нибудь больному она и вовсе не въ состояніи, потому что сростить переломленную кость безъ гипсовой повязки или вправить вывихъ, безъ знанія анатоміи и своего рода ловкости и умѣнья, вещь очень нелегкая. Вотъ въ такихъ случаяхъ бабка и ломаетъ еще больше своему пациенту большую ногу или руку. Больной или больная въ такихъ случаяхъ кричитъ и орѣтъ во всю глотку, но у бабки это считается за хорошій признакъ, значитъ, называется, на жилку попала. «У тебя жилка стронута», говорится

обыкновенно, больному, «ты пойди и поклонись три раза въ землю на томъ мѣстѣ, гдѣ тебѣ это подѣялось, мать сыра земля и отпустить тебя». Кончается всегда дѣло тѣмъ, что бабки эти проведутъ такимъ образомъ время, и уже, недѣли чрезъ двѣ, чрезъ три, смотришь, больной пріѣдетъ къ врачу, когда помочь больному оказать бываетъ уже очень трудно. Вотъ такие то запущенные вывихи постоянно приходится вправлять и, конечно, съ большимъ трудомъ и болью для пациента.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, какую глупую роль играютъ при родахъ, такъ называемыя, бабушки повитушки. Во время родовъ, не говоря уже о трудныхъ родахъ, бабка помочь роженицѣ ничего не можетъ, потому что даже поддержать промежность у роженицы, и то для нихъ вещь непонятная и неизнакомая. Послѣ же родовъ бабки продѣлываютъ со своими жертвами разные причудливые фокусы. Такъ, напримѣръ, каждую родильницу бабка парить въ жарко истопленной печкѣ шесть дней сряду, утро и вечеръ. Парить, обыкновенно, почему то однимъ и тѣмъ же вѣникомъ, а послѣ этого тѣмъ же самымъ вѣникомъ, что называется, размываютъ руки роженицѣ. Глупая эта операція заключается въ томъ, что бабка льётъ на вѣникъ воду, причемъ вѣникъ лежитъ на рукахъ роженицы, сложенныхъ крестообразно. Вода съ вѣника стекаетъ въ тазъ, въ которомъ бабка кладеть передъ тѣмъ одно сырое яйцо. Послѣ того, водой, приготовленной такимъ способомъ, бабка въ послѣдній разъ еще всю роженицу обмываетъ, а яйцо бывшее въ тазу, роженица должна испечь и съѣсть. Эта самая обыкновенная исторія для случаевъ благополучныхъ. Въ случаяхъ же, когда у роженицы что либо заболить, или если лохіи прекратятся, то бабки сейчасъ же посылаютъ разыскивать, такъ называемыхъ, подъѣмныхъ капель. Подъѣмные капли,—это извѣстный всѣмъ киндеръ-бальзамъ. Съ серьёзно же больными роженицами бабки продѣлываютъ обыкновенно такую операцію. Больную роженицу, у которой, напримѣръ, сдѣжалось воспаленіе брюшины, бабка вѣшаеть за ноги къ потолку или къ палатямъ и въ такомъ положеніи встрахиваетъ еї, при томъ нѣсколько разъ сряду. Какъ ни страшна эта операція, но, къ несчастію, она продѣлывается очень нерѣдко. Нечего и говорить здѣсь о крайней нечистоплотности нашихъ повитухъ, когда сплошь да рядомъ отъ нихъ даже можно заразиться и сифилисомъ.

Въ заключеніе я долженъ еще упомянуть про народное лѣченіе нарывовъ—прикладываніемъ коровьяго помета и болѣзней глазъ примачиваніемъ ихъ человѣческой мочей. Много распространяться объ этомъ не стоитъ, хотя на моей памяти одну 16-ти лѣтнюю девушку бабки подобнымъ лѣченіемъ — мочей, буквально ослѣвили. Самая обыкновенная изъ глазныхъ

операций у бабокъ, это лазить въ глазъ языкомъ или выворачивать глазъ на кольцо, съ цѣлью поискать тамъ соринку, которой тамъ и не было. Вездѣ все бабы хитрости. Въ наложныхъ болѣзняхъ и ревматизмѣ, модное средство въ деревнѣ—натираніе детемъ или керосиномъ. Конечно, средства эти, въ большинствѣ случаевъ, совершенно безвредны.

II.

Второй классъ народныхъ лѣкарей, какъ сказано было выше, составляютъ заговорщики. Постараюсь и съ ними познакомить, на сколько это было возможно для меня.

Заговорщиковъ у насъ, въ деревняхъ, очень много. Одни изъ нихъ заговариваютъ жабу, другое ломъ, т. е. ломоту, третий—волосень, т. е. ногтевду (*panaritium*), четверты—кровь, иные сибирку, т. е. сибирскую язву, и, наконецъ,—собачье бѣшенство и проч. Словомъ, чуть не на каждую болѣзнь есть свой заговорщикъ. Заговорщиковъ жабы, лому, волосения и т. п. я опишу подробно не стану, какъ менѣе важныхъ, и начну прямо съ заговорщиковъ крови.

Заговорщиковъ крови много въ каждой буквально деревнѣ. Этимъ маракуетъ, обыкновенно, какая либо бабка, рѣдко и мужикъ. И дѣйственно, заговорить кровь очень легко. Пока-то надумаютъ послать за заговорщикомъ, пока-то его разыщутъ, а тѣмъ временемъ догадаются завязать рану какой либо вѣтошкой, или приложить къ ранѣ паутину, а то засыпать ее червоточиной и т. п. Пріѣдетъ, наконецъ, заговорщикъ, начнетъ читать свой заговоръ, по всей вѣроятности, еще очень длинный. Въ первый разъ прочитаетъ, во второй разъ, въ третій; а нужно всегда непремѣнно прочитать заговоръ три раза. Смотришь, кровь и остановилась, потому что всякое кровотеченіе, въ особенности изъ небольшихъ стволовъ, всегда и такъ, само собой, останавливается очень скоро. Это происходитъ, какъ известно, или отъ сморщиванія краевъ перерѣзанного кровеносного сосуда, артеріи или вены, послѣ ихъ пораненія, или отъ образованія такъ называемаго тромба, т. е. пробки, которая образуется въ сосудѣ изъ свернувшагося фибринъ крови, потому что кровь, отъ дѣйствія наружнаго воздуха, сейчасъ же свертывается и распадается на фибринъ, главную составную часть плазмы и сыворотку крови. Но сказанное искусство заговорщиковъ, въ отношеніи остановки кровотеченія, примѣнено только къ пораненію мелкихъ кровеносныхъ сосудовъ, пораненіе которыхъ больше и встрѣчается на практикѣ. Мелкихъ стволовъ артерій и гораздо конечно больше, чѣмъ круп-

ныхъ, и они въ нашемъ тѣлѣ лежать гораздо поверхностище, чѣмъ крупные стволы. Крупные же стволы, какъ известно, и лежать болѣе глубоко, да еще обыкновенно защищены, какъ бы нарочно, отъ самой природы или костями, или просто мягкими частями т. е. мышцами и сухожильными растяженіями. Поэтому то пораненіе крупныхъ артерій бываетъ сравнительно, конечно, очень рѣдко. Но буде, если что либо подобное случится, т. е., если бываетъ порана, напримѣръ, артерія *radialis* или *ulnaris*, то тутъ заговорщикъ ужъ ничего не въ состояніи сдѣлать. Больной такой или долженъ умереть отъ истеченія кровью, или же—его привезутъ къ врачу, спустя тоже известное время, всего обезсиленаго отъ громадной потери крови, послѣ разныхъ мятежствъ по заговорщикамъ. Подобный случай и былъ въ моей практикѣ. Молодой парень, изъ села Малаго Подовечья, всегда страшный, какъ говорять, буянъ, на свой сельскій, престольный праздникъ такъ напился пьянъ, что вздумалъ драться съ своими стеклами. Просто на просто, началъ бить кулаками въ свои окна и при этомъ поранилъ себѣ пульсовую артерію (*arteria radialis*). Артерія эта, какъ известно, изъ всѣхъ стволовъ артеріальныхъ лежитъ болѣе поверхностино. Призвали заговорщика, но дѣло оказалось плохо. Свой заговорщикъ не помогъ. Поэтому несчастнаго больнаго, буквально истекающаго кровью, цѣлыхъ двѣ недѣли возили по разнымъ другимъ заговорщикамъ и заговорщицамъ, а кровь все не унималась. И вотъ, наконецъ, совершенно уже обезсиленаго, почти безжизненнаго, привезли больнаго ко мнѣ, на пунктъ. Это чрезъ двѣ недѣли! Потеря крови была громадная, больной былъ блѣденъ, какъ полотно. Въ особенности глаза у него, отъ потери крови, были просто какіе то страшны. Я, думается, никогда не забуду этихъ бѣлыхъ, безжизненныхъ глазъ! Съ больнымъ постоянно, при томъ, дѣлались сильные обмороки. Изъ ранки постоянно сочилась кровь, а по временамъ такъ текла очень сильно, въ особенности если больной кашлянетъ, или чхнетъ, то кровь начинаетъ бить просто фонтаномъ. Что тутъ дѣлать? Нужно наложить лигатуру, а вдругъ съ больнымъ обморокъ и смерть? Ужъ этого помилуй Богъ! Просто на просто, «каменiemъ побѣни будете». Потому что больныхъ на пунктѣ кромѣ того еще 70—80 человѣкъ и только скажи одинъ, что, моль, докторъ зарѣзалъ, ну и баста! А вѣдь для больнаго нужно что либо сдѣлать путное. Но если бы больнаго привезли послѣ пораненія, на тотъ же день, тогда другое дѣло было бы; а то заговорщики протянули вѣдь цѣлыхъ двѣ недѣли. Кончилось тѣмъ, что я все-таки рѣшился наложить ему шелковую лигатуру *in masse*. Отыскать хорошо артерію было уже нельзя, потому что, отъ разросшихся грануляцій, образовалась какая-то кровоточаща клоака. Кромѣ лигатуры *in masse* я перевязалъ

руку больному повыше раненія, съ мячикомъ изъ ваты, кровь и остановилась. Больной этотъ потомъ совершенно выздоровѣлъ, хотя все село молило о его смерти, ужъ очень онъ буянъ, говорять.

Заговорщики сибирки (сибирская язва, *pustula maligna*, *carbunculus malignus*) въ деревнѣ своего рода рѣдкость. Всегда нужноѣхать куда нибудь верстъ за 10—15, а то и дальше. Сибирская язва, болѣзнь очень рѣдкая, а, значитъ, и нужды въ такихъ заговорщикахъ особой не предвидится.

Изъ всѣхъ заговорщиковъ сибирки особенной славой пользуются братья Бакокины. Бакокинихъ четыре брата, всѣ они живутъ врозь, и въ разныхъ мѣстахъ Скопинскаго и Данковскаго уѣздовъ и всѣ одинаково умеютъ заговаривать сибирку. Братья Бакокины, по происхожденію своему—крестьяне изъ села Ново-Александрова, Скопинскаго уѣзда, полуграмотные, но успѣли цивилизоваться по своему. Какимъ либо преимуществомъ въ заговорѣ сибирки ни одинъ изъ братьевъ не пользуется во мнѣніи народа, и для больного нужно только слово «Бакокинъ», которое до нѣкоторой степени стало нарицательнымъ словомъ. Больной, заболѣвшій въ одной мѣстности, сейчасъ жеѣхать къ своему Бакокину и не считаетъ ужъ нужнымъѣхать къ другому Бакокину, который живеть отъ первого верстъ за 10—15. Надъ всяkimъ своимъ пациентомъ, всѣ Бакокины продѣлываютъ одно и тоже. Сначала они шепчутъ свой заговоръ, а послѣ этого даютъ больному нашатырю (*ammonium chloratum*) и велять имъ засыпать сибирку. Вотъ и всѣ ихъ лѣченіе! На чёмъ же спрашивается, основана такая слава Бакокинихъ? А дѣло то заключается въ томъ, что въ простомъ народѣ все носить название сибирки, будеть ли то простой чирей (*furunculus*), въ особенности если онъ съ чёрнымъ пятномъ; нарывъ ли небольшой (*abscessus*) съ тёмнымъ кровоподтекомъ, карбункуль (*carbunculus*), рожа (*erisipelas*) съ тёмнымъ волдыремъ (*erisipelas herpetica*),—все это въ народѣ носить название грозной сибирки. А главное, лишь бы появилось какое либо черное пятно. Сейчасъ призовутъ бабку. Но чего же бабка знаетъ? И сейчасъ же начинается обычная ея рѣчь: «у тебя сибирка, тебѣ нужноѣхать къ Бакокину». Вотъ эти то и имъ подобныя, такъ называемыя, сибирки братья Бакокины и вылѣчиваютъ съ такимъ блестящимъ, можно сказать, успѣхомъ. Настоящей же сибирки они, по всѣй вѣроятности, и не видали; а если случайно и видѣли, то неузнали и ужъ, понятно, не помогли ни одному такому больному. И дѣйствительно, что значитъ для сибирской язвы заговоръ Бакокинихъ или хоть ихъ присыпка нашатыремъ, когда сибирку нужно выжечь или каленымъ жгутомъ или дымящейся азотной кислотой. На сколько рѣдкая болѣзнь сибирская язва, можно уже судить изъ того, что у меня на пунктахъ перебываетъ каж-

дый годъ больныхъ отъ 12-ти до 14-ти тысячъ; за 8 лѣтъ, значитъ, перебывало около 90 тысячъ и изъ нихъ больныхъ сибирской язвой было всего три человека. Конечно, во всемъ участкѣ больныхъ сибирской язвой, можетъ быть, было и больше за это время, потому что участокъ большой, 35 тысячъ жителей, на одного врача — городъ больше Рязани, да кромѣ того онъ разбросанъ на большомъ 50-ти верстномъ пространствѣ, и потому вообще не всякаго больнаго везутъ на пунктъ. Но такихъ то больныхъ, т. е. съ сибиркой, такъ прямо везутъ не къ врачу, а къ заговорщику Бакокину или другому какому. Это уже изстари заведено такъ, ко врачамъ еще мало довѣрія. Я здѣсь опишу тѣ три случая сибирской язвы, которые были у меня. Тѣмъ болѣе они интересны, что всѣ эти больные были предварительно у заговорщиковъ. Такъ въ сосѣднемъ селѣ Шишкінѣ, въ имѣніи купца Л., заболѣваетъ сибирской язвой лошадь. Псылаютъ за Бакокинымъ, который живетъ отъ Шишкина нѣдалеко. Лошадь эта, понятно, околѣваетъ, несмотря на пособіе отъ Бакокина. На другой день заболѣваетъ другая лошадь. Сейчасъ же опять привозятъ Бакокина, но лошадь тоже околѣваетъ. Послѣ того вскорѣ заболѣваетъ конюхъ, ходившій за больными лошадьми. Его сейчасъ везутъ къ Бакокину. Къ вечеру конюха не стало. Осталась у него жена и 6 человѣкъ дѣтей. На другой день заболѣваетъ сибирской язвой, на шеѣ, караульный въ имѣніи. Кардаульный этотъ тащилъ больную лошадь изъ конюшни и чуть ли не онъ дралъ шкуры съ больныхъ лошадей. Послѣднѣе очень часто практикуется; здѣсь вѣдь иногда не посмотрятъ на то, что лошадь околѣла отъ сибирки. Кардаульного этого тоже везутъ къ Бакокину. Дорогой отъ Бакокина больной умеръ. Въ одинъ день два гроба! Но на другой день еще заболѣваетъ въ имѣніи кучеръ, который вмѣстѣ съ караульнымъ тащилъ больную лошадь изъ конюшни. Въ имѣніи образовалась паника! Прѣѣжаютъ ко мнѣ съ вопросомъ, есть ли у васъ какое либо средство отъ сибирки? и рассказываютъ всю исторію, что вотъ двое умерли, а третій заболѣлъ отъ сибирки. Я велѣлъ сейчасъ же привезти больнаго на пунктъ. У привезенаго кучера была уже несомнѣнная сибирская язва на правой руцѣ, пониже локтя. Это была опухоль, развившаяся въ какіе нибудь три-четыре часа, бѣлаго, какого-то безжизненнаго вида, очень при томъ большая, болѣе, напримѣръ, чайнаго блюдца, приложеннаго къ рукѣ. На ощупь опухоль была твердая, какъ доска и въ серединѣ опухоли было черное вдавленіе, родъ чернаго пятна, величиной съ горошину. Это была уже несомнѣнная сибирская язва, которую въ деревнѣ мнѣ пришлось видѣть еще въ первый разъ. Въ клиникахъ приходилось видѣть сибирку тоже рѣдко, тамъ бываетъ не больше одного или двухъ случаевъ въ годъ. Больнаго этого мнѣ

удалось спасти отъ вѣрной смерти. Человѣкъ онъ одинокій, жена и трое дѣтей. Я сдѣлалъ ему крестообразный разрѣзъ скальпелемъ на центрѣ опухоли и залилъ это мѣсто дымящейся азотной кислотой. Я хотѣлъ еще выжечь опухоль каленымъ желѣзомъ, но кутира для прижиганій не оказалось, а въ деревнѣ и кузни совсѣмъ не было. Я далъ еще больному на домъ азотной кислоты и посовѣтовалъ влить въ ранку нѣсколько ея капель, а предварительно въ кузнѣ выжечь это мѣсто еще каленымъ желѣзомъ. Такъ и случилось, что больной, отправившись въ свою деревню, пошелъ прямо въ кузнѣ. И, когда кузнецъ не согласился на такую операцию, больной самъ себѣ выжегъ жигаломъ средину опухоли, а потомъ залилъ еще азотной кислотой. «Раскаленное желѣзо такъ не щипить, какъ ваши капли (кислота)», рассказывалъ онъ послѣ того. На другой день больной явился ко мнѣ уже совсѣмъ бодрый, опухоль стала опадать и сдѣлалась тѣстообразною. Вскорѣ онъ и совсѣмъ оправился. Другой случай сибирки, былъ у меня послѣ того, спустя приблизительно годъ. У 16-ти лѣтняго мальчика на лицѣ, около нижней скулы, въ какіе нибудь три часа образовалась опухоль, величиною съ кулакъ. Опухоль была твердая, какъ доска и въ срединѣ ся было черное углубленіе, точь въ точь, какъ у того кучера. Мальчикъ этотъ жилъ на хуторѣ и ходилъ за скотиной, гдѣ и заразился. Его немедленно привезли ко мнѣ, но отъ меня сейчасъ же хотѣли везти къ Бакокину, когда я сказалъ, что у него сибирка. Едва-едва удалось удержать отъ этого и оставить его у себя въ лѣчебницѣ. Эту сибирку у мальчика я самъ выжигалъ калѣнымъ желѣзомъ. Нашелъ какую то толстую проволоку, раскалилъ ее тутъ же на угляхъ и выжегъ. Опухоль сейчасъ же начала нѣсколько опадать и сдѣлалась мягкою, тѣстообразною. Но потомъ опять сейчасъ же начала твердѣть, и больному сдѣлалось хуже. Тогда я взялъ большой, толстый гвоздь и сталъ выжигать имъ. Такихъ сеансовъ выжиганій пришлось сдѣлать больному четыре или пять. Ночью былъ небольшой бредъ. Утромъ я еще въ послѣдній разъ сдѣлалъ выжиганіе, и больному совсѣмъ полегчало. Теперь онъ живъ и здоровъ и даже уже женился. Третій случай сибирской язвы былъ въ селѣ Курбатовѣ. Больную привезли ко мнѣ послѣ того, какъ цѣлыхъ три дня возили по разнымъ заговорщикамъ. У трехъ заговорщиковъ перебывала больная. Когда узналъ управляющій имѣніемъ, то велѣлъ её везти на пунктъ. Её привезли еле живую, и извоница помогъ ей взобраться на печку въ кухнѣ приемнаго покоя. Мы насилиу потомъ стащили ее съ печи. Больная настолько была уже плоха, что я не рѣшился сдѣлать ей выжиганія. Она умерла на тотъ же день. Время было упущенное, виной всему заговорщики и невѣжество.

Кромъ Бакокиныхъ, заговариваетъ сибирку еще одинъ мужикъ въ деревнѣ Шишкіной. Послѣ заговора мужикъ этотъ завертываетъ большое мѣсто листовымъ табакомъ. Послѣднєе продѣзываютъ, впрочемъ, очень многіе заговорщики сибирки. Отъ листового табаку, обыкновенно, получается такое разъѣденіе больного мѣста, что больные послѣ того очень долго страдаютъ. И это, конечно, происходитъ больше отъ того, что заговорщики прикладываютъ табакъ не на сибирскую язву, а на чирей, напримѣръ, на нарывъ, на рожу и т. под. Въ особенности, листовой табакъ ужасно вредно дѣйствуетъ на рожу (*erisipelas*). Въ моей практикѣ было, между прочимъ, два такихъ случая. Такъ, одинъ крестьянинъ изъ сосѣдняго села пріѣхалъ ко мнѣ съ больною ногой, на которой была рожа. Я такъ больному и сказалъ, что у него рожа. Онъ, очевидно, мнѣ не повѣрилъ и спросилъ меня: «а что это не сибирка»? Я постарался его разувѣрить въ этомъ, но оказалось, напрасно. Нужно замѣтить, что недѣли за двѣ пе-редъ тѣмъ, у меня лѣчился отецъ этого крестьянина, у котораго была рожа на лицѣ и прошла благополучно. Тогда мнѣ повѣрили и не возили загова-ривать, а въ этомъ случаѣ, оказывается, не повѣрили, потому что на ногѣ былъ темный волдырь. Больного прямо отъ меня повезли къ Шишкінскому заговорщику, и тотъ ему все болѣе мѣсто обернуль своимъ из-
люблѣннымъ листовымъ табакомъ, отчего сдѣлалась силь-
нѣйшая боль и такое разъѣденіе, что мнѣ пришлось его мѣсяца
четыре лѣчить потомъ. Онъ буквально долженъ былъ слечь въ постель и
ужь насилиу-насилиу поправился. Другой, подобный же случай былъ въ селѣ
Костемеревѣ. Привели ко мнѣ изъ Костемерева женщину, у которой была рожа
на рукѣ. Оказалось, что ее передъ этимъ возили къ заговорщику, и тотъ
ей всю руку буквально растравилъ листовымъ табакомъ. Какъ извѣстно, рожу
нужно смазывать прованскимъ масломъ или посыпать мелкимъ порошкомъ изъ
мѣлу или пудры для уменьшенія боли и раздраженія. А заговорщики при-
кладываютъ, вмѣсто того, прямо листовымъ табакомъ. Больная эта на дру-
гой же день потомъ умерла.

Кромъ описанныхъ, мнѣ извѣстенъ еще одинъ очень интересный заговор-
щикъ изъ смежнаго уѣзда, села Поплевина, который такъ же заговари-
ваетъ и лѣчить сибирку. Но заговорщикъ этотъ — хирургъ, онъ вырѣзы-
ваетъ сибирку. Отъ него у меня на пункѣ была одна больная женщина, и
что только онъ съ ней натворилъ, — трудно описать. Онъ эту несчастную жен-
щину буквально всю изрѣзalъ и сжегъ такъ называемой царской водкой (смесь
азотной дымящейся кислоты съ соляной). Царскую водку въ деревнѣ возятъ
всѣ торгаши и продаютъ очень свободно. Съ первого раза, при видѣ этой боль-

ной, я даже было струсила не на шутку. Что это? Черная оспа? Антоновъ огонь? Картина для меня была невиданная и потому не понятная. Больная еле стояла на ногахъ. Она вся буквально была покрыта чёрными пятнами, величиною отъ серебряного двугривенного до мѣдного пятака. Чёрные эти пятна имѣли какой то особый, провалившійся видъ. «Что это? Отчего это?» съ изумленіемъ спрашивала я. Оказалось, что заговорщикъ всю её изрѣзаль ножемъ и сжегъ какою то ядовитой жидкостью, въ родѣ азотной или сѣрной кислоты. На обѣихъ ногахъ, на обѣихъ грудяхъ, на тѣлѣ, на шеѣ, словомъ по всему тулowiщу и конечностямъ были разбросаны эти страшныя, чёрные пятна. Кромѣ того, какъ кислота текла, такъ все тѣло внизъ отъ мѣста прижиганія, представлялось красными, обожженными линіями. Вѣроятно заговорщикъ жегъ свою жертву совсѣмъ пьяный. Господинъ хирургъ ухитился даже еще больше. Онъ на груди (*in mamma*) у больной вырѣзаль кусокъ мяса, величиною въ пятакъ, и въ срединѣ его и все это мѣсто сжегъ кислотою. Совсѣмъ то онъ не отрѣзаль этого куска, а просто глубоко округлилъ его ножемъ и сжегъ, — все это таѣ и виситъ. Такіе же висячіе, обожженные куски были и на ногахъ. Больная эта была съ ребёнкомъ, она недавно только передъ тѣмъ родила. Кормить грудью она не можетъ, потому что правая грудь вся изранена и сожжена, лѣвая тоже значительно обожжена. Ребенокъ кричитъ, а она и держать то его не можетъ, отдала подержать другимъ. Словомъ ужасная, грустная картина. Волосъ дыбомъ станетъ даже у привычнаго къ такимъ картинамъ! Въ этомъ отношеніи трудно и тяжело быть земскимъ врачомъ. Столичнымъ нашимъ товарищамъ гораздо легче жить и при томъ еще пожинать лавры. А у насъ все одни терпіи. Страстей то однихъ сколько напринимаешься! Надо замѣтить, что за свою операцию хирургъ этотъ получилъ съ больной три рубля деньгами и полштофъ водки. Трудно было мнѣ опредѣлить, что была за болѣзнь, съ которой эта несчастная женщина отправилась въ заговорщику, такъ какъ, какъ сказано было выше, она вся была изуродована. Но изъ ея разсказа, что у ней по тѣлу высакивали все свѣтлые, водяные пузыри, можно было заключить, что, во всякомъ случаѣ, тутъ не было даже и признаковъ сибирской язвы, а просто былъ или пузырчатый лишай (*herpes*) или же, что всего вѣрнѣе, такъ называемая, пузырчатая сыпь (*remphigus*), которая, какъ известно, бываетъ очень часто послѣ родовъ, а то и такъ, безъ видимой причины. Я посовѣтовалъ больной этой лечь въ свою больницу, а потому судьбу ея дальнѣйшую мнѣ прослѣдить не пришло. Послѣ, я было хотѣлъ преслѣдоватъ по суду этого заговорщика, да раньше уже горькимъ опытомъ убѣдился, что преслѣдованіе это на къ чему не приведетъ. Я однажды уже преслѣ-

доваль было знахарку за отравление женщины супером, но знахарку эту полиция даже и не разыскала. Потомъ я узналъ случайно, что заговорщика этого Ряжской земской врачъ, какъ оказалось, уже преслѣдовалъ судомъ, должно быть за такую же его операцию, но потерпѣлъ фіаско. Это мнѣ передавалъ одинъ мой знакомый, и передавалъ, при томъ, въ такомъ смыслѣ, что вотъ моль господа врачи не помогаютъ въ сибиркѣ, а простой мужичекъ, въ Шоплевинѣ, помогаетъ, и его же преслѣдуютъ эти господа-врачи.

Въ заключеніе о заговорщикахъ, я долженъ еще упомянуть здѣсь о заговорщикахъ собачьяго бѣшенства. Но такихъ заговорщиковъ въ нашемъ районѣ очень мало, почти совсѣмъ рѣдкость. Хотя, знаменитый въ этомъ отношеніи, помѣщикъ Левашовъ жилъ и по сосѣдству отъ меня, но теперь, говорять, его уже не стало. Секретъ свой, будто бы, кому то онъ передалъ изъ своихъ служащихъ. Можетъ быть, со временемъ мнѣ и удастся узнать этотъ секретъ, но очень жаль, что судьба всѣхъ этихъ секретовъ такова, что они дѣйствуютъ только до тѣхъ поръ, пока не узнали ихъ другіе. Помѣщикъ Левашовъ лѣчилъ отъ бѣшенства, говорятъ, травой, которую щла въ полѣ его сбѣсившаяся собака. Въ народѣ есть повѣрье такого рода, что бѣшеная собака сама можетъ найти въ полѣ такую траву, которую съ жадностію будетъ ѣсть и отъ этой травы выздоравливаетъ. Вотъ эту то траву и подмѣтилъ дворовой человѣкъ Левашева, когда еї щла бѣшеная собака. Баринъ сталъ набирать этой травы, сушилъ еї и давалъ еї больнымъ ѻсть вмѣстѣ съ хлѣбомъ.

Кромѣ того я зналъ еще въ Данковскомъ уѣздѣ старого военного фельдшера, который тоже лѣчилъ отъ бѣшенства. Онъ тоже зналъ какой то заговоръ отъ бѣшенства и кромѣ того, у людей укушенныхъ бѣшеною собакой, разрѣзалъ мизинецъ лѣвой рукой и пускалъ изъ него кровь и этимъ помогалъ, говорятъ.

На самомъ же дѣлѣ трудно вѣрить въ дѣйствительность этихъ заговоровъ отъ водобоязни и такъ называемыхъ, народныхъ средствъ отъ этой странной болѣзни. Средствъ этихъ въ разное время (все секретныхъ, по большей части) было предложено, какъ говорить профессоръ Синицынъ (по Тафоли) 938 предметовъ изъ 9 царствъ природы. Всѣ эти средства оказались бесполезными. Но какъ же объяснить то обстоятельство, что, по народной молвѣ, наши доморощеные заговорщики и знахари хорошо помогаютъ отъ водобоязни? А дѣло то въ томъ, оказывается, что не всякий человѣкъ, укушеннный бѣшеною собакой, непремѣнно ужъ заболѣвть водобоязнью. Вотъ на этотъ то фактъ въ публикѣ и обращаютъ очень мало вниманія. Въ дѣйствительности же ока-

зывается, что человѣкъ очень мало воспріимчивъ къ яду собачьяго бѣшенства, а потому и не всегда заболѣваетъ водобоязнью, если бы даже укусила его дѣйствительно бѣшеная собака или волкъ. А на дѣлѣ то иногда даже и такъ бываетъ, что укусившая собака была не бѣшеная, да это случается, по моему мнѣнію, гораздо чаще, чѣмъ съ бѣшеной собакой. Но если, предположимъ, собака была и бѣшеная, то вѣдь возможно, что слюна ея не попадетъ въ укушенную ей рану, что часто бываетъ, когда собака кусаетъ чрезъ платье. Бываетъ даже и такъ, что и слюна попадеть въ ранку, но человѣкъ не заражается ядомъ, потому что есть люди совершенно невоспріимчивые къ тому или другому яду. Такъ одинъ заболѣваетъ, напримѣръ, тифомъ, другой нѣтъ; одинъ получилъ чахотку, другой же и ходить за нимъ, но не заражается туберкулѣзными бациллами. Кромѣ того, многія язвы болѣе свойственны человѣку и вовсе не свойственны животнымъ, другія наоборотъ. Такъ сифилитической ядѣ болѣе свойственъ человѣку, а къ животнымъ онъ совсѣмъ не прививается. Ядѣ же собачьяго бѣшенства, наоборотъ, скорѣе прививается, къ собакѣ или волку, а къ человѣку очень мало. Вотъ что говорить обѣ этомъ предметѣ профессоръ Московскаго унив. г. Синицынъ. «Если о воспріимчивости человѣка къ бѣшенству судить по отношенію числа укушенныхъ къ числу заболѣвшихъ, то необходимо сознаться, что воспріимчивость эта не велика. По Гентеру, изъ всего числа укушенныхъ бѣшеної собакой, заболѣваетъ бѣшенствомъ только 5 %. Тотъ же % признаетъ и Ленгосекъ. По статистикѣ Фабера, на долю заболѣвшихъ приходится 20 %, по Фезергилю же одинъ заболѣвшій на 17 укушенныхъ (т. е. около 7 %). Относительно волковъ Синицынъ приводитъ двѣ статистики. «По Рено, число укушенныхъ бѣшенымъ волкомъ, къ числу заболѣвшихъ, выражается 33 %, а Цепье говоритъ, что одинъ волкъ искусалъ 17 человѣкъ, и 10 изъ нихъ умерли». Выводя изъ этой статистики средній %, получится около 10 % заболѣваемости для собакъ, и около 33 % для волковъ. Значить заговорщикамъ можно успѣшно лѣчить бѣшенство: изъ 100 случаевъ заговорщикъ навѣрное 90 человѣкъ вылѣчитъ, % для него очень хороший.

Въ настоящее время всѣ наши земства стали посыпать укушенныхъ бѣшеної собакой или волкомъ или къ самому Пастѣру въ Парижъ или въ отечественные лѣчебницы для прививки по Пастѣру. Это, несомнѣнно, болѣе рационально, чѣмъ лѣчиться у заговорщиковъ. Хотя, конечно, очень жаль, что и изъ прѣхавшихъ отъ самого Пастѣра многіе укушенные все-таки умираютъ отъ бѣшенства. По крайней мѣрѣ въ газетахъ не разъ приходится читать, что въ такомъ то городѣ умеръ отъ бѣшенства

такой то, ъздившій къ Пастёру въ Парижъ лѣчиться, и такихъ, къ несчастію, очень много. Современемъ статистика опредѣлить, конечно, и у Пастёра известный % смертности. Но теперь пока это быть можетъ, и преждевременно. Еще болѣе жаль, конечно, что отъ бѣшеныхъ волковъ Пастёръ, какъ известно, почти совсѣмъ отказался. Это все надѣлало Бѣльское земство, пославши туда известныхъ Смоленцевъ. По газетамъ я считалъ, что между Смоленцами, ъздившими къ Пастёру было тоже что-то около 30% смертности. И я еще удивляюсь, какъ эти самые Смоленцы не напугали тамъ всѣхъ Парижанъ своею секретною болѣзнью и своими костюмами. Еще миролюбивы, оказывается, къ намъ русскимъ друзья французы. Ужь лучше бы, дѣйствительно, не ъздить Смоленцамъ въ Парижъ, до нихъ тамъ какъ хорошо все обстояло! Лѣчились бы они у своихъ доморощенныхъ заговорщиковъ.

III.

Нѣкоторую противоположность заговорщикамъ крови, описаннымъ въ предыдущей главѣ, составляютъ кровопускатели или рудомѣты. Кровопусканіе довольно сильно распространено въ простомъ народѣ. Можно сказать даже и больше: это средство иногда составляетъ излюбленное цѣлебное средство мужика отъ многихъ недуговъ. Самый простой способъ производства кровопусканія въ деревнѣ состоитъ въ такъ называемомъ накидываніи мохотки. Мохотку накидываютъ, въ большинствѣ случаевъ, сухую, но иногда, случается, и кровососную. Операцио эту постоянно продѣлываетъ въ деревнѣ всякая бабка. Но кромѣ накидыванія мохотки, въ деревнѣ часто практикуются и всѣ другіе виды кровопусканія. Такъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ Скопинского уѣзда есть субъекты, которые сами разводятъ пьявокъ и сами приставляютъ ихъ больнымъ. Нѣкоторые пускаютъ кровь бритвой или ножемъ изъ венъ руки, а иногда даже и ноги. Но чаще всего кровопусканіе практикуется въ видѣ кровососныхъ банокъ, которые ставятъ больному на спину или вообще на большое мѣсто, на ногу, на шею и проч.

Кровопусканіе ведеть свое начало еще изстари. Прежніе старые врачи практиковали его очень часто. Гдѣ нынѣшніе врачи и не думаютъ ставить банки или пускать кровь, тамъ прежде, какъ известно, вездѣ ставили банки, или пускали кровь. Старые врачи вездѣ видѣли дурную кровь и дурную матерію (*materia peccans*) и потому всюду старались освободить отъ нея человѣка. Я не спорю, что у прежняго человѣка, быть можетъ, было и больше дурной крови, но не правда ли, что вѣдь и нынѣ я очень много? А тѣмъ не менѣе, нынѣ стало практиковаться не то, что

прежде. Нынѣшніе врачи ставятъ банки очень рѣдко и больше все обходятся, напримѣръ, намазыванія іодомъ; это и гораздо короче и полезнѣе для больнаго. Въ доброе старое время всѣ помѣщики, напримѣръ, кидали себѣ кровь или ставили банки, а иѣкоторые изъ нихъ, говорятъ, даже держали при дворныхъ, такъ сказать, рудомѣтовъ, которые выбирались изъ ихъ дворовыхъ людей. Рудомѣты эти въ извѣстные, опредѣленные сроки должны были отворять изобильную кровь своему барину. Теперь эти придворные рудомѣты, конечно, всѣ уже вывелись изъ обращенія, да и вообще современные помѣщики почти-что перестали заниматься кровопустаніемъ. Въ простомъ же народѣ оно все еще и нынѣ практикуется и хотя не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ прежде, но все же можно сказать практикуются часто. Въ народѣ кровопусканіе перешло, по моему, черезъ военныхъ больше фельдшеровъ, какъ и вообще знахарство. Служа въ военной службѣ, фельдшера эти въ прежнее время исключительно почти занимались кровопусканіемъ по рецептамъ своихъ врачей, столь часто прибѣгавшихъ къ кровопусканію во всѣхъ болѣзняхъ. По выходѣ изъ военной службы, фельдшерь, обыкновенно, поселяется въ своей деревнѣ и все таки не бросаетъ медицину. Но спрашивается, чѣмъ будетъ лѣчить фельдшерь въ деревнѣ? Лѣкарства у него нѣть, а какие медикаменты онъ принесетъ съ собой изъ службы, тѣ, конечно, сейчасъ же всѣ и разойдутся. По фельдшерскому рецепту аптека городская рѣдко отпустить, да въ аптекѣ лѣкарство для мужика и дорого стоитъ, а лѣчить все таки нужно, больныхъ не отгонишь. Вотъ тутъ то и является на помощь машинка для кровососныхъ банокъ, которую фельдшера, обыкновенно, приносятъ съ собой изъ службы, а, за неимѣніемъ машинки, служить для этой цѣли простой скальпель или даже бритва. Банками этими фельдшерь можетъ удовлетворить такую массу пациентовъ и при томъ съ такою видимою для нихъ пользою, что ему и больному его и желать больше нечего. Такимъ образомъ, какой бы больной ни являлся къ фельдшеру, почти всякому онъ ставить свои банки или, что рѣдко, производить кровопусканіе изъ венъ. Вѣдь банки хорошо помогаютъ и при ушибѣ и при всѣхъ вообще воспаленіяхъ, при ломотѣ, ревматизмѣ, невралгіяхъ и проч. Словомъ, наберется очень большой кругъ болѣзней, гдѣ очень хорошо, а главное скоро помогаютъ банки. А лѣкарство это у фельдшера всегда имѣется подъ рукой и при томъ неистощимое лѣкарство, что для деревни главнѣе всего. Но кромѣ всего этого нужно обратить вниманіе на то обстоятельство, что человѣкъ, однажды поставившій себѣ банки, долженъ черезъ извѣстные промежутки времени непремѣнно продолжать эту операцию; иначе начинаютъ дѣлаться больніе приливы крови, напримѣръ, къ головѣ, спинѣ или къ поясницѣ, съ чрезвычайно дур-

ными и непріятными при томъ послѣствіями. Это значитъ еще новая пища для рудомёта. Его пациентъ. значитъ, будетъ не случайный, не временный, а постоянный пациентъ, который безъ кровопусканія потомъ жить не можетъ. Да кромъ того, всякий мужикъ, однажды по какому либо случаю подвергшійся кровопусканію, помнить потомъ очень хорошо, какъ ему тогда помогло это средство; въ другой же разъ оно должно еще больше помочь отъ накопившагося уже излишка крови, и такъ пойдетъ все далѣе и болѣе т. е. кровь и кровь. И дѣйствительно, въ деревнѣ мнѣ приходится встрѣчать массу такихъ больныхъ, которые жалуются, по большей части, на боль головы, и при томъ невыносимую боль, а то на тяжесть и боль въ поясницѣ. Никакія медицинскія средства обыкновенно не помогаютъ въ такихъ случаяхъ. Но спросишь больного, ставилъ ли онъ когда либо себѣ банки? Больной, обыкновенно, отвѣчаетъ, что ставилъ банки или бросалъ кровь изъ руки или ноги. Единственное облегченіе больному въ данномъ случаѣ, это мушка къ затылку, или даже, и это въ большей части случаетъ, опять банки на поясницу. Безъ нихъ въ такомъ случаѣ обойтись бываетъ положительно невозможно, потому что страданіе больного нестерпимое и ничѣмъ больше не поправимое. Всякий такой больной представляетъ изъ себя хроническое отравленіе банками, если можно такъ выразиться.

Въ настоящее время фельдшера рудомёты ставятъ банки всетаки съ опаской, потому что знаютъ, что кровопусканіе безъ рецепта врача запрещено закономъ, да и самые врачи рѣдко нынѣ стали къ нему прибѣгать, а потому обыкновенно ужъ ставятъ банки тайкомъ, чтобы никто незналъ. Но все же, какъ мнѣ передавали, у одного скопинского городского фельдшера рудомёта иногда бываетъ въ день человѣкъ десять, пятнадцать больныхъ, и всѣмъ онъ ставитъ свои банки.

Отъ фельдшеровъ рудометовъ операциѣ кровопусканія перешла и къ простымъ смертнымъ, и ею прежде всего стали заниматься цирюльники. Я еще недавно видѣлъ въ нашемъ городѣ, на вывѣскѣ у цирюльника, картину кровопусканія изъ руки съ различными внушиительными деталями и экспрессіей. Кровь изъ руки, какъ нарисовано на вывѣсѣ, бьетъ даже фонтаномъ. Нѣкоторые цирюльники даже занимаются и зубоврачеваніемъ, т. е. дерганіемъ зубовъ. Вообще же нужно бы давно обратить на цирюльниковъ особенное вниманіе; къ тому же инструменты свои они держать въ грязномъ, отвратительномъ видѣ. Мнѣ самому раза два приходилось случайно видѣть ихъ инструменты и даже присутствовать на операциѣ дерганья зубовъ.

Кромѣ этихъ патентованныхъ, такъ сказать, рудометовъ, въ Скопинскомъ уѣздѣ, мнѣ известны еще очень многія личности, которые занимаются крово-

пусканіемъ. Такъ напримѣръ, я зналъ одного управляющаго имѣніемъ, въ селѣ Серговщинѣ (бывшій дворовый человѣкъ), который всѣмъ своимъ лошадямъ и всѣмъ своимъ служащимъ и постороннимъ пациентамъ, во множествѣ обращавшимся къ нему, всѣмъ бросалъ изъ руки кровь. Я помню одну истеричную горничную его барыни, которой этотъ самый управляющій (его теперь уже нѣтъ въ живыхъ) пустилъ изъ руки кровь своимъ перочиннымъ ножемъ, и она на другой же день сошла съ ума. Хотя послѣдовательность явлений и нельзя всегда принимать за причинную ихъ связь, но тѣмъ не менѣе послѣдовательность въ данномъ случаѣ была многознаменательная.

Интересно, что кровопусканіемъ въ деревнѣ занимаются иногда простыя деревенскія бабы. Такъ, въ селѣ Богородицкомъ, одна баба ставить банки даже безъ машинки, а просто прорѣзаетъ сначала на спинѣ своего пациента ранку своей бритвой, а потомъ и приставляетъ сюда банку. Смѣлая, значитъ, и бѣдовая эта баба.

Пьявки ставить здѣсь только одна женщина въ селѣ Черныхъ Курганахъ. Она сама разводить піявоекъ и ставить ихъ всѣмъ безъ исключенія и разбора. Какой бы къ ней мужикъ или баба, ни явился, всѣхъ угощаетъ піяvkами. Помню, однажды я приѣхалъ въ село Серговщину на эпидемію скарлатины. Вхожу въ одинъ домъ, лежать два больныхъ мальчика въ скарлатинѣ, а третій уже умеръ и лежитъ уже въ переднемъ углѣ. При осмотрѣ дѣтей я замѣтилъ у нихъ подъ горломъ какія то язвы, покрытыя сильно дифтеритическимъ налѣтомъ. Я спросилъ, отчего это? Оказалось, что была эта женщина изъ Курганъ и приставляла на шею больныхъ дѣтей піявокъ. За бабой этойѣ вѣдили сами родители больныхъ дѣтей, по совѣту мѣстнаго дьячка.

Плата рудометамъ за приставленіе банокъ или піявокъ обыкновенно бываетъ довольно изрядная. Иногда платятъ копѣекъ 10 или и даже 15 за каждую банку или піяvку. Вся операциѣ кровопусканія по этому всегда обходится копѣекъ въ 50 или около рубля, потому что рудометы въ большинствѣ случаевъ ставятъ банокъ пять или даже десять за разъ. Имъ тѣмъ больше, тѣмъ выгоднѣе.

IV.

Юродивыхъ народъ очень любить, въ особенности, большую склонность къ нимъ имѣютъ бабы. Юродство на землѣ,—счастье на небесахъ, по понятію народному. Юродивый—это Божій человѣкъ. Къ юродивымъ чаше всего возятъ больныхъ съ нервными болѣзнями и психопатовъ, душевно

больныхъ. Болѣе возять, напримѣръ, дѣтей съ «молоденской» болѣзнью («молоденская» — родимчикъ, eclampsia), одержимыхъ падучей болѣзнью (epilepsia), «порченыхъ» женщинъ т. е. истеричныхъ (hystenia — порча, по народному), сумасшедшихъ, алкоголиковъ и т. под. По народному возрѣнію во всѣхъ такихъ больныхъ вселяется нечистый духъ, дьяволъ. По этому ихъ и вылечить можетъ только Божій человѣкъ, юродивый, святоша. Такъ что, если знахари по преимуществу сифилидологи, т. е. врачи по сифилису, то юродивы и угады по преимуществу врачи — пейропатологи, врачи по нервнымъ болѣзнямъ.

Особенной славой изъ всѣхъ юродивыхъ въ нашемъ околодкѣ пользуется, такъ называемая Маша Мухановская. Это дѣвушка лѣтъ сорока или сорока пяти, живетъ она постоянно въ Мухановѣ, деревнѣ Данковскаго уѣзда, въ отдельной маленькой избушкѣ. Наружный видъ этой Маши просто ужасный. Руками она постоянно конвульсивно разводить, губами и всѣми чертами лица постоянно выдѣлываетъ разныя причудливыя гримасы, всѣмъ корпусомъ какъ то перегибается, при чёмъ пальцами рукъ какъ то особенно перебираеть, глаза морщить и заводить подъ лобъ. Изъ рта у Маши постоянно текутъ слюни, отъ которыхъ у ней всегда мокрый весь подбородокъ, а отсюда внизъ и вся одежда буквально мокрая отъ слоней. Юродство словомъ полное во всѣхъ отношеніяхъ.

Больныхъ у Маши всегда бываетъ много, рѣдкій день бываетъ пять — десять подводъ, а то и больше. Но пѣшковаго народу обыкновенно бываетъ гораздо больше, чѣмъ на подводахъ, потому что главный контингентъ Машиныхъ поклонниковъ, деревенскія бабы въ большинствѣ случаевъ любятъ ходить лѣчиться пѣшкомъ, и при томъ всегда не въ единственномъ числѣ, а почти всегда во множественномъ и рѣдко въ двойственномъ. Картина такого пѣшаго хожденія полѣчиться къ Машѣ всегда можно наблюдать преимущественно весною или лѣтомъ. Иногда бабы эти ходятъ къ Машѣ изъ за какихъ нибудь семейныхъ непріятностей, а то изъ пустяковой какой нибудь болѣзни. Но преимущественно возять къ Машѣ больныхъ съ нервными болѣзнями, въ особенности «порченыхъ», съ «молоденской» и пр., какъ и ко всѣмъ юродивымъ. Платы никакой, говорятъ, Маша не беретъ, развѣ, что на свѣчи. Но это только такъ говорятъ. На самомъ же дѣлѣ родственники Машины безъ приноса никого къ ней недопускаютъ, каковымъ приносомъ сами и пользуются. Лѣчить Маша всѣхъ своихъ пациентовъ однимъ и тѣмъ же лекарствомъ, а именно водой. Это до нѣкоторой степени въ родѣ барона Бревскаго цѣлебная невская вода, которая начала проникать уже и въ нашу пустыню. Я не хочу этимъ сказать, чтобы кто либо изъ помянутыхъ знахарей

т. е. баронъ ли Вревскій или Маша Мухановская заимствовали одинъ у другаго систему своего лѣченія. Нѣтъ. Миѣ думается напротивъ каждый изъ нихъ добился до своего лѣкарства самостоятельно. Да и чѣмъ же, спрашивается, и лѣчить Машѣ, какъ не водой? Развѣ Маша знаетъ какое либо лѣкарство? Да развѣ наконецъ за лѣкарство то не отвѣтишь передъ начальствомъ? А вода,—это вещь безвредная, всѣмъ людямъ въ потребу. Воду пить всѣмъ дозволяется, а значитъ и лѣчить водой тоже разрѣшается, какъ не содержащю въ своемъ составѣ вредныхъ веществъ. За медикаментами нужно быватьѣхать въ Москву, а этотъ медикаментъ всегда дома, всегда подъ руками. Да и помогаетъ хорошо. Чего же больше? И спросъ хорошій... Воду свою Маша приготавляетъ довольно просто. Беретъ корецъ или чашку воды, пускаетъ туда свой крестикъ, а иногда просто уголёкъ, прочитаетъ молитву, и вода готова. Воду эту можно и пить и умываться ей, примачивать болѣвое мѣсто и проч. и проч. Но главное назначеніе Машиной воды, чтобы Маша сама своей водой умыла больнаго. Умоетъ Маша больнаго, ну, говорятъ, и полегчаетъ. И отъ глазиши бываетъ полезна, и отъ порчи и чуть не отъ всякой болѣзни. Словомъ, все это лѣченіе такъ просто, но всегда такъ полезно и хорошо для всякаго человѣка.

Интересная юродивая была такъ же въ селѣ Подовечѣ, Скопинскаго уѣзда Аннушка. Это была дѣвушка лѣтъ тридцати. Аннушка вся была буквально голая, т. е. безъ всякаго платья и покрова. Отъ курной избеной копоти, тѣло у Аннушки было все черное. «Она была чернаа, какъ шахтёръ», какъ выражаются обѣ ней ея очевидцы. Аннушку, очевидно, никогда не мыли. Жила юродивая на дворѣ въ особой избушкѣ, маленькой до невозможности и спеціально сдѣланной для нея. Въ этой спеціальной избушкѣ она была привязана на желѣзной цѣпи въ родѣ того, какъ собакъ привязываютъ. Въ стѣнку избушки было вбито желѣзное кольцо съ большою желѣзною цѣпью, и этою цѣпью за поясъ была привязана юродивая. Аннушка въ своей избушкѣ лежала постоянно, говорять, на особыхъ палатахъ, которые состояли только изъ двухъ дощечекъ. Съ этихъ палатей она никогда не слѣзала, да и не могла слѣзть, такъ они были устроены. На палатахъ она лежала даже и въ то время, когда курная ея избушка топилась, значитъ, въ страшномъ дыму и копоти. Лѣкарства Аннушка никакого не давала. Она только узнавала, что за болѣзнь у пришедшаго. По представленію народному, она была юродивая и въ тоже время угадъ, потому что лѣкарства никакого не давала. Пришедшему къ ней Аннушка всегда говорила всего 2—3 слова и больше ничего, и то еще, когда пристрашаютъ ея ея родные, а то пожалуй ничего не скажетъ. Въ настоящее время край нашъ лишился этого угада. Аннушка недавно умерла. Изъ угадовъ мнѣ известенъ еще только одинъ мужикъ,

который живеть гдѣ то около села Богородицкаго, Скопинскаго уѣзда. Къ нему, говорять, тоже очень много простаго народу ходить. Мужикъ этотъ даже не юродивый, а просто угадъ. Онъ узнаетъ, что за болѣзнь у пришедшаго, угадаетъ, кто произвелъ кражу лошади, угадаетъ жениха невѣсты. Какъ оказывается, всѣмъ больнымъ, приходящимъ къ нему, онъ говорить почти одно и тоже. Одному говорить,—въ тебѣ простуда, другому—въ тебѣ порча, и больше, кажется, ничего не знаетъ. Славой особой онъ и не пользуется, какъ другіе.

Къ числу юродивыхъ здѣсь еще причисляютъ (или вѣрнѣе онъ самъ себя причисляетъ къ юродивымъ) одного какого то монаха, который, впрочемъ, живеть не въ монастырѣ, а въ міру, въ своей родной деревнѣ Горховѣ, Данковскаго уѣзда. Почему монахъ этотъ удалился въ міръ, къ прелести Вааловой, непрѣвѣстно. Отъ своей семьи онъ живеть врозь, въ отдѣльной кельѣ, въ которой, говорятъ, много образовъ и стоять даже нѣчто въ родѣ аналоя. Человѣкъ Божій больше принимаетъ больныхъ женщинъ и преимущественно съ женскими болѣзнями. Такимъ образомъ онъ больше врачъ-гинекологъ. Про него ходить много разсказовъ и все романическаго свойства. Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ можно вывести безошибочное заключеніе, что онъ, по всей вѣроятности, въ своей душѣ страстный донъ-жуанъ. Такъ кромѣ больныхъ женщинъ, къ нему ходятъ еще деревенскія дѣвушки спрашивать про своихъ жениховъ. Монахъ всякую такую пациентку сначала, говорятъ, обласкаетъ и разговаривается съ ней, что называется, честь-честью. Тѣмъ временемъ онъ даже поставлять самоваръ и всегда посадить свою пациентку съ собой пить чай, за которымъ пдуть, по всей вѣроятности, душеспасательные разговоры. Говорятъ, очень многія дѣвушки дѣйствительно узнаютъ своего жениха.

V.

Пятую и послѣднюю категорію народныхъ лѣкарей составляютъ колдуны. Я потому ихъ поставилъ вслѣдъ за юродивыми, что колдунъ составляетъ совершенную противоположность юродивому. Какъ юродивый признается въ народѣ человѣкомъ, Божіимъ, такъ, напротивъ того, колдунъ признается человѣкомъ, который знается съ самимъ чѣртомъ и отъ него получаетъ свое колдовство; какъ сказано выше, юродивые больше лѣчать людей «порченыхъ», т. е. порченыхъ злымъ духомъ. Но духъ то злой дѣйствуетъ на человѣка не прямо, не непосредственно, а черезъ колдуновъ или иногда просто черезъ злыхъ людей. Злому человѣку, а въ особенности колдуну доста-

точно бываетъ иногда посмотретьъ на хорошаго человѣка, чтобы сей часъ же его сглазить, чтобы съ нимъ что либо случилось неладное. Поэтому злыхъ людей, а въ особенности, колдуновъ нужно стараться какъ ни можно избѣгать и съ ними даже и не встрѣчаться, чтобы не быть ими испорченнымъ, чтобы они не сѣли съ глазу. Но для того, чтобы испортить человѣка, который даже и не встречается съ колдуномъ, послѣдній иногда прибегаетъ къ такому средству, что съ нимъ нельзѧ не встрѣтиться. Колдунъ прикидывается оборотнемъ, т. е. обрачивается напримѣрь бараномъ или лошадью и, въ такомъ видѣ, все таки можетъ встрѣтить свою жертву и испортить, а самъ при этомъ разсыплется, такъ что его и слѣдъ простынетъ.

И такъ по народному понятію, юродивые и колдуны находятся между собой въ постоянной враждѣ, антагонизмѣ. Отсюда вытекаетъ, что и средства лѣченія, какъ юродивыхъ, такъ и у колдуновъ, должны быть несомнѣнно разныя. Такъ какъ юродивые лѣчатъ при помощи имъ близкаго Духа Божія, то они въ свою воду пускаютъ крестикъ, читаютъ надъ ней разныя молитвы, а то и просто помогаютъ однимъ своимъ словомъ, такъ какъ они считаются одаренными отъ Бога особою благодатью. Колдунъ же, напротивъ, лѣчить злымъ духомъ, онъ съ чѣртомъ знаетъ, а потому всѣмъ своимъ пациентамъ во время своего колдовства велитъ снимать крестъ, и молитвъ, понятно, никакихъ не творить. Да и какая ужъ тутъ молитва? И пациенты у колдуна встречаются больше такие, гдѣ нуженъ самъ чёртъ. Такъ напримѣрь, къ нему ходятъ беременные женщины, съ цѣллю изгнанія плода; влюбленные женщины ходятъ къ колдуна съ цѣллю привратить къ себѣ предметъ своей любви, когда не встречаются въ этомъ предметѣ столь дорогой для нихъ взаимности. Любовь вѣдь тоже есть дьявольское наважденіе на человѣка? По колдунамъ еще ходятъ съ такою болѣзнію, которая, по мнѣнію большаго, получена имъ отъ самого же колдуна или просто отъ злого человѣка, такъ какъ, кромѣ юродиваго, только колдунъ можетъ исправить то, что онъ самъ сдѣлалъ. Такъ напримѣрь, колдунъ можетъ вылечить того человѣка, котораго испортилъ онъ самъ или другой какой колдунъ; можетъ вылечить такого, котораго сѣли съ глазу. Но кромѣ всего этого колдуны признаются въ народѣ одаренными особенною, имъ однимъ только присущею, специальную такъ сказать способностію присаживать человѣку килу. Колдунъ же можетъ и согнать килу, т. е. вылечить отъ неї. Килой называется въ народѣ опухоль, какая бы то ни было, и гдѣ бы то ни было, на лицѣ ли, на конечности или на тѣлѣ. Слово «кила», происходитъ несомнѣнно, отъ греческаго слова ἡ κῆλη, что значитъ, опухоль.

Слово это въ народъ попало, очевидно, изъ медицины, потому что въ медицинѣ это довольно употребительное слово для означенія опухолей, такъ hydrocele, водяная опухоль яичка, sarsocelle и проч. Больные съ такой килой идутъ, обыкновенно, лѣчиться сначала къ своей бабкѣ-знахаркѣ. Если же та не помогаетъ, то идуть къ юродивому, т. е. стараются дьявольскую болѣзнь излѣчить Божескимъ лѣкарствомъ. Но потомъ, когда и юродивый не поможетъ, съ килой обращаются къ самому колдуна, чтобы онъ согналъ свое нахожденіе. Нѣчто похожее на это продѣлываютъ многіе хронические больные. Они сначала идутъ лѣчиться къ обыкновенному врачу-аллопату, потомъ идутъ по монастырямъ, служать молѣбы. Наконецъ, когда ничто уже не помогаетъ, идутъ къ гомеопату, который лѣчить подъ своимъ девизомъ,—клипъ клиномъ выбивай (*similia similibus curantur*) или даже и не лѣчить, а просто тоже умныхъ людей морочить.

И такъ по колдунамъ ходятъ больные уже послѣ всего, послѣ всѣхъ своихъ напрасныхъ мытарствъ и, обыкновенно, ходятъ не съ охотой. Кому же, правду, хочется зваться съ чертомъ, когда онъ и безъ того такъ страшенъ? По колдунамъ вообще ходятъ больные очень рѣдко и то больше ужъ съ неизлѣчимыми болѣзнями, когда больной готовъ лучше идти въ воду, чѣмъ въ могилу.

Въ народѣ есть колдуны, есть и колдуны, и послѣднихъ едва ли не больше, чѣмъ первыхъ. Но особенной славой изъ всѣхъ колдуновъ здѣсь славился Федотъ, въ селѣ Милославщинѣ, Скопинскаго уѣзда. Его то для примѣра я и опишу здѣсь. Федотъ когда то былъ военнымъ служителемъ при военномъ лазаретѣ. Поэтому онъ, говорятъ, зналъ кое-какія лѣкарства, но больше все таки добрыхъ людей морочилъ, т. е. колдовалъ. Фигура Федота была подходящая для колдуна. Онъ былъ какой то весь сгорбленный и при томъ разбитый параличемъ. По этому онъ совершенно не владѣлъ лѣвою рукой и правой ногой, такъ что постоянно ходилъ съ большими костылемъ, который ему удобно было держать здоровой правой рукой. На народѣ онъ впрочемъ почти не показывался и въ церковь никогда не ходилъ и даже 16 лѣтъ сряду не пріобщался Св. Таинъ. Послѣднему впрочемъ, можетъ быть много способствовало и то обстоятельство, что въ селѣ Милославщинѣ 12-ть лѣтъ не было священика и исправлялъ должность священникъ изъ села Измаилова, отстоящаго отъ него за 7 верстъ. Плохо въ деревнѣ безъ священника! Спасибо, по новому положенію, церковь опять открыли и прислали опять своего священника. Впрочемъ Федотъ, подъ конецъ своей жизни, передъ самою смертью все же призвалъ священника, исповѣдался, пріобщился Св. Таинъ и даже, говорятъ, и пособоровался. Громъ не грянетъ,

мужикъ не перекрестится, говорить русская пословица. Федотъ быть очень известный по всей окружѣ и, говорятъ, замѣчательный колдунъ. Ему даже и изъ Петербурга писали письма, чтобы онъ присыпалъ еще побольше лѣкарства своего для приворота, потому что хотя и хорошо помогаетъ, но мало лѣкарства, не хватаетъ немного. Слава его сложилась больше отъ того, что всякаго пришедшаго къ нему Федотъ заставлялъ снимать крестъ, ибо только подъ этимъ непремѣннымъ условіемъ онъ и могъ колдовать. Во время своего колдовства Федотъ всякую бабу заставлялъ раздѣваться до нага, и при этомъ еще тоже велѣлъ снимать и крестъ. Въ такомъ положеніи, да еще и безъ креста, на бабу понятно нападалъ просто страхъ. Но Федоту это было и нужно, потому что всякая баба при этомъ невольно должна была догадаться, что передъ ней дѣйствительно никто иной, какъ колдунъ взаправду, потому что даже и крестъ велѣлъ снять. Мученицы эти бабы! Да, въ такомъ положеніи, по моему, умрешъ со страха!.. А она еще терпить. Но что же дѣлать, когда любовь мучить, не даетъ покою? Тутъ ужъ нужно терпѣть по неволѣ.

Хитрый, дѣйствительно, человѣкъ былъ этотъ Федотъ. Какъ оказывается онъ всѣмъ своимъ пациентамъ давалъ одного и того же лѣкарства, а именно наговорной соли. Это простая соль, но наговоренная колдуномъ. Какъ еї колдунъ тамъ наговаривалъ, читаль что ли чего надъ своей солью, ничего конечно неизвѣстно никому изъ смертныхъ, потому что колдуны при жизни никому не открываютъ своего секрета, а только передъ смертію передаютъ иногда этотъ секретъ, но рѣдко кто принимаетъ отъ нихъ такую страшную вещь, какъ колдовство. Но вѣроятнѣе всего, Федотъ просто шепталъ чего либо надъ своей солью и больше ничего не дѣлалъ; въ него и такъ вѣрили хорошо. Федотъ былъ всегда правъ. За соль передъ начальствомъ отвѣтить никогда не придется. Эта вещь всѣмъ доступная и сподручная. Такимъ образомъ, оказывается, все равно, что Маша Мухановская и баронъ Вревскій лѣчать водой, Кузьмичъ, известный самарскій знахарь, лѣчили сѣномъ, а Федотъ лѣчили просто солью. Все это вещи позолительные, какъ позолительно можетъ быть, и обманывать дураковъ. Да Федотъ, говорятъ, такъ даже и выражался всегда, что на его вѣкъ дураковъ хватить. И взаправду хватало.

Въ сосѣднемъ имѣніи Курбатовѣ кучерь былъ не въ ладахъ съ управляющимъ. Однажды, когда управляющій уѣхалъ на родину, кучерь отправляется къ Федоту съ просьбой приворотить къ нему управляющаго. Надо замѣтить, что управляющій этотъ былъ вполнѣ интеллигентный человѣкъ. Федотъ даетъ кучеру своей колдовской соли и велитъ ею посыпать постель упра-

вляющаго. Жена кучера была прачкой въ имѣніи и вотъ она, подъ предлогомъ, перемѣни бѣлья на постели, всю эту постель и посыпала Федотовой солью. Когда хозяинъ прѣхалъ, то его тотчасъ же предупредили, чтобы онъ не ложился на постель въ виду того, что она наколдована. Тотъ, конечно, не посмотрѣлъ на предупрежденіе, стражнулъ съ постели соль и преспокойно легъ спать. На утро онъ уволилъ своего кучера. Тогда кучеръ отправился опять къ Федоту, и говоритъ ему, что его уволили. Колдунъ и на этотъ разъ завертываетъ въ тряпочку той же своей соли,—Федота не проведешь, опять соли,—и говоритъ кучеру: «вотъ тебѣ еще, поѣзжай теперь въ Петербургъ, прямо къ барину, завтра же здѣсь будешь». Кучеру и безъ этого приходилосьѣхать въ Петербургъ, потому что онъ самъ былъ Петербургскій житель. Волей неволей туда поѣхалъ, но, понятно, до сихъ поръ не возвращался. Между тѣмъ приворотъ этотъ не дешево обошелся кучеру. Федоту подарили ситцевую рубашку, дали три рубля денегъ, коровьяго масла и проч. Продукту я ужъ не говорю, потому что безъ водки колдунъ никого не принималъ. Любопытный фактъ передаютъ такъ же и Федотовой ветеринарной практики. Въ деревнѣ нельзя быть врачомъ одной какой либо специальности, а нужно даже всегда быть врачомъ и ветеринаромъ вмѣстѣ. Такъ, я прежде отказывалъ приходившимъ ко мнѣ за какимъ либо лѣкарствомъ для лошади или коровы. Но теперь всегда даю такого лѣкарства. Да и какъ отказать мужику въ надобномъ лѣкарствѣ? Обыкновенно въ Петербургѣ или въ Москвѣ, знаменитые при томъ, ветеринары лѣчать больше все собакъ. А въ деревнѣ? Въ деревнѣ ветеринаровъ совсѣмъ нѣть, ихъ здѣсь замѣняютъ коновалы да кузнецы. Про лѣченіе же собакъ здѣсь и помину нѣть. Въ лѣченіи здѣсь дѣйствительно больше нуждаются лошади и коровы. А знаете ли, что такое для мужика лошадь или корова? Мужикъ пхъ иногда цѣнитъ чуть не дороже своей бабы. Да и дѣйствительно бабу можно мужику взять не одну, а и другую и даже третью дадутъ. А лошадь или корову? гдѣ еї взять бѣдному мужику, да еще другую, если настоящая околѣбѣтъ? Какъ тутъ отказать въ лѣкарствѣ? Помню, мужикъ изъ села Покровскаго привелъ ко мнѣ лошадь. Она у него одна и есть, и та, почитай что же-ребенокъ. Лошадь эта въ катухѣ весь себѣ лобъ распорола до кости. Работать не на чѣмъ, заработка, мужикъ плачетъ. Я велѣлъ повалить лошадь, зашилъ ей лобъ и свинцовки далъ. Послѣ мужикъ какъ меня благодарили за это. Или, баба изъ Сергиевщины просить лѣкарства для своей коровы, которая на колѣ распорола себѣ вымя. Баба вся въ слезахъ, дѣти малыя. Ну какъ тутъ не дать какой нибудь карболовой или свинцовой примочки? Вотъ, говорю, Федота призвалъ на ветеринарную практику одинъ здѣшній

купецъ-арендаторъ. У купца падали лошади отъ какого то затяжнаго мыта. Вѣриѣ же всего на лошадяхъ былъ не мыть, а настоящій сапъ. Кромѣ того лошади дохли еще и отъ безкормицы, потому что дѣло было въ одинъ изъ недавнихъ голодныхъ годовъ, бывшихъ въ нашей мѣстности. Сначала лѣчили лошадей сами, призывали потомъ коноваловъ, кузнецовъ. Ничто не помогаетъ. Тогда ужъ привезли Федота. «Что? Какъ по твоему?»—спрашиваютъ колдуна. «Да у васъ на скотномъ дворѣ камень зарытъ; у васъ надъ лошадьми едѣлано». Отвѣчаетъ колдунъ. Купецъ заставляетъ искать наколдованный камень. Весь скотный дворъ изрыли. Но гдѣ камень тамъ найти? Дѣло было зимой, когда скотный дворъ бываетъ полонъ навоза. Лошади между тѣмъ все дохли. Колдунъ живеть въ имѣніи и пьянствуетъ. «Погоди, говорить затѣмъ колдунъ, я теперь сдѣлаю штуку». Береть какую-то вещь и начинаетъ наговаривать. Нѣтъ, что-то не выходитъ... «Дай крестъ! обращается колдунъ къ купцу. «Я», разсказывалъ самъ послѣ того купецъ, «тутъ и струсили, но креста не далъ». Да и какъ снять съ себя крестъ? Вотъ если съ другаго кого крестъ снять, это дѣло иное. «Снимай ты, староста! спрашиваетъ колдунъ, но и староста креста не снялъ. Тогда Федотъ долженъ былъ безъ этого условія творить свое колдовство. И что же? Падежъ все продолжался, лошадей двадцать у купца пало, тѣмъ и дѣло кончилось. Видно нельзѧ было такъ съ крестомъ колдовать. Послѣ того купецъ этотъ служилъ все молебны и каялся въ своемъ грѣхѣ, что съ чѣртомъ было спознался. Между купцами мало окаянныхъ, а все раскаянны. Ветеринарная практика эта все-таки дала, говорять, колдуну всего-то рублей около тридцати.

Въ заключеніе всего, нельзѧ не обратить вниманія на то обстоятельство, что знахарство имѣть своею почвой крайнюю неразвитость и невѣжество простаго народа. Безъ устраненія этой главной причины наврядъ ли помогутъ даже радикальныя мѣры къ устраненію вреда, происходящаго отъ нашего знахарства.

Поэтому первой, самой главной мѣрой къ искорененію въ народѣ знахарства, по моему мнѣнію, должна быть сельская народная школа и прежде всего, конечно, церковно-приходская, а не земская, считая на скорую нитку. Въ необходимости сельской школы можно воочию убѣдиться всякому. Достаточно для этого только въ глубокую, скучную осень проѣхаться по селу, гдѣ нѣтъ школы и хорошоенько присмотрѣться, чѣмъ занимаются крестьянскіе дѣти въ это свободное для нихъ время. Единственное ихъ занятіе, какъ оказывается, въ это время—игра въ шары, да игра въ шашки, а зимой начали развиваться и карты. Само собой

разумѣется, что гораздо бы лучше и полезнѣе для нихъ было бы,—посѣщать въ это время школу и вмѣсто пустаго гонянія шаровъ по деревнѣ, научиться хоть сколько нибудь Закону Божію, не говоря ужъ про законы человѣческіе, а такъ же равно и—грамотѣ и письму. По праздникамъ же лучшее дѣло для дѣтей было бы—посѣщать Храмъ Божій и въ немъ читать и пѣть на клиросѣ. Все бы поменьше было вѣры въ разныхъ колдуновъ, да юродивыхъ, да заговорщиковъ. Въ пустую же голову вѣдь лѣзетъ страшная галиматья,—лѣшие да домовые да колдуны да бѣсы разные. Ученѣе свѣтъ, а неученѣе тьма, говорить сама русская пословица.

Второю мѣрой для устраниенія захарства было бы, по моему мнѣнію, развитіе сельской земской медицины. Хотя въ послѣднее время земская медицина идетъ впередъ и большими шагами, но все-таки какъ то она юится больше по городамъ, гдѣ и такъ всегда много врачей, да городъ и самъ въ состояніи содержать своего врача и свою больницу. Кромѣ того слѣдовало бы правительству обязать всѣ наши земства закономъ, — содержать, напримѣръ, на 25 тысячъ жителей обоего пола — одного врача и больничку хоть на 10 кроватей. Вѣдь обязываютъ же, напримѣръ, фабрику, на 100 человѣкъ рабочихъ имѣть врача и одну больничную койку. Пространства у насъ все большія, постоянные по этому разѣзды, на которые врачъ много теряетъ времени и здоровья, народонаселеніе громадное. Одинъ врачъ и не можетъ справиться съ дѣломъ. На это скажутъ конечно, что у земства нѣтъ средствъ. Но въ этомъ сейчасъ же можно разувѣриться если посмотрѣть попристальнѣе, какъ на сельскомъ сходѣ мужики изыскиваютъ общественные деньги себѣ на водку, или какія деньги частный человѣкъ платить захарю, чтобы вылечиться напримѣръ отъ сифилиса. При пристальномъ взглядѣ окажется, что недостатокъ средствъ—это пустая отговорка и нежеланіе заняться дѣломъ.

Третьей, наконецъ, мѣрой къ искорененію вреднаго влиянія на народъ нашего захарства должны служить конечно и полицейскія мѣропріятія. Но такъ какъ захарство укорепилось уже въ народѣ, сдѣлавшись его свычаемъ и обычаемъ, взошло въ него, что называется, плоть и кровь, то конечно трудно его оттуда выгнать одними полицейскими мѣропріятіями. Хотя все-таки попугать захарей и не мѣшасть... Все, хоть сколько нибудь, бояться будуть.

Земской Врачъ *Николай Рудинский.*